

Алан Чароит

ФЕЙРИ ЧЕРНОЛЕСЬЯ

Алан Чароит
Фейри Чернолесья
Серия «Королевские Соколы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67922885

Аннотация

– У нас в Чернолесье в чашу поодиночке не ходят. Встретишь фейри – тебе точно не понравится. Зато ты ему очень даже понравишься – на вкус, – любит повторять хромой Патрик. Всем известно, что он не только мельник, но и колдун, так что знает, о чём говорит.

А что же делать, если всё-таки приключилась беда? Не медли, иди к колдуну. Боязно? Тогда к его ученикам. Те хоть и юные, а дело своё знают. И душой не зачерствели ещё, всегда готовы помочь. Особенно вон тот – рыжий-конопатый, с флейтой...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Алан Чароит

Фейри Чернолесья

– У нас в Чернолесье в чашу поодиночке не ходят. Там такое можно встретить – тебе точно не понравится. Зато ты ему очень даже понравишься – на вкус, – любит повторять хромой Патрик. Всем известно, что он не только мельник, но и колдун, так что знает, о чём говорит.

Чернолесье и впрямь особенное место. Если тебе скажут, что в Тисовом Логе или в каком-нибудь Задолье всякая нечисть тоже водится, можешь плюнуть этим умникам в лицо. Они наших фейри не видели! Колдуны по-умному зовут тех младшими ши, а мы – маленьким народцем.

За дровами идёшь? Прихвати с собой оберег от болотных бесов, чтобы не утащили в трясину. И дары на пеньке оставь – древесные духи обходительность любят.

Молоко скисло? Значит, фейри шёл мимо да слизал пенку. Не оставляй кувшин без присмотра! Две веточки рябины крест-накрест положи и платком прикрой.

За младенцем следи в оба, не то утащат, а взамен подложат осиновый чурбак с глазами-плошками: ищи потом родную кровинушку.

А если встретишь по весне яблоневою деву, милую да улыбчивую, – просто беги без оглядки.

Этим премудростям матери детей сызмальства учат, что-

бы мы с фейри могли жить в мире и радоваться.

Зато тем, у кого доброе сердце, маленький народец всегда подсобит. У хорошей хозяйки брауни в доме приберут, трудолюбивому сапожнику обувь справят, портному – рубаху сошьют. Главное – не забывай помощников благодарить угощением и добрым словом.

Если же лениться любишь или характер у тебя сварливый – берегись. Волшебный народец может нарочно спутать тебе волосы или натащить водорослей с лягухами прямо в постель. Такие уж у них шуточки.

Но встречаются и просто злые фейри, которым всё равно, какой ты человек и что у тебя на уме. Даже на обереги им плюнуть и растереть, понимаешь?

В общем, если случится беда, сразу иди к колдуну. Да-да, к старому Патрику на мельницу у Рябинового ручья. Боязно? Тогда к его ученикам. Те хоть и юные, а дело своё знают. И душой не зачерствели ещё, всегда помочь готовы. Особенно вон тот – рыжий-конопатый чаропевец с флейтой. Никогда не отказывает. Говорит, мол, они не просто подмастерья, а Королевские Соколы. Слышал о таких? Это в смысле, что хромой Патрик и его Соколята – не абы какие колдуны, а самым Его Величеством к службе призванные, чтобы защищать простой народ от всяких тварей из Чёрного леса. Да, важные птицы, но нос не задирают.

Кстати, вечером после трудов праведных всё Чернолесье в таверне собирается. В какой? Да нет у неё названия – од-

на на всю деревню. Заходи выпить кружечку доброго эля да байки о фейри послушать. А, может, и сам что-нибудь рассказать захочешь?

Глава первая

Дева-бузина и фейри

Красные Ладшки

– Эх, придётся нам, ребята, топать на мельницу к старому колдуну на поклон, или пиши пропало, – выдохнул Дилан, сын пекаря, и сам поразился собственной смелости.

Колдуна в деревне боялись, хотя и уважали и, бывало, обращались за помощью, если сильно припекало. Старик нередко принимал у себя старосту, деревенского кузнеца или ещё какого уважаемого человека, но вот станет ли он говорить с мальчишками – это был вопрос.

– А Мэтти бы с тобой не согласился! – возразил малыш Кей, кривя рот и закусывая нижнюю губу: он всегда так делал, когда пытался не расплакаться на людях. Чаще всего у него не получалось.

– И где теперь твой Мэтти? Третьего дня схоронили, – Дилан занёс руку, чтобы отвесить младшему брату подзатыльник, но в последний момент передумал, а то ведь как пить дать разревётся.

Их третий приятель, Рис-младший (которого прозвали так, чтобы отличать от его отца, Риса-старшего), долговязый и самый старший из всех, пожал сутулыми плечами.

– Ой, я не знаю... боязно как-то. А ну как он бате скажет?

Меня ж прибьют.

– И какая тебе разница, ежели всё одно помирать? – прикрикнул на него Дилан. – Идем же!

Рис-младший всегда был трусоват и вороват; Дилан его все еще терпел, но за такое – недолюбливал. Тот же в свою очередь сторонился обоих сыновей пекаря, ибо прежде не раз бывал ими бит. Однако все трое держались вместе из-за весельчака и заводилы Мэтти, которого любили все. Но теперь Мэтти не стало...

– Я с места не сойду! – Рис-младший ковырнул придорожную грязь носком деревянного башмака. – Сам иди, раз такой умный.

Своего отца – трактирщика, радушного с гостями и строгого с домочадцами, он боялся пуще болотных бесов Чернолесья. Но хромого колдуна с мельницы – ещё больше.

– А что мы ему скажем-то? – малыш Кей всхлипнул и утёр нос кулаком.

На его тёмной макушке смешно торчал вверх один непослушный вихор, делавший Кея похожим на глупого свиристея. Дилан заботливо пригладил его волосы, но налетевший осенний ветер тут же свёл на нет все усилия, а младший брат с опаской втянул голову в плечи, ожидая привычной оплеухи.

– Мы скажем правду. С самого начала... И покажем вот это. – Дилан закатал рукав рубахи.

На его предплечье багровело родимое пятно, похожее на

отпечаток маленькой человеческой ладони. Вот только мальчишки, знакомые с детства и не раз плескавшиеся вместе в Рябиновом ручье у запруды, точно знали: прежде у Дилана на руке не было ничего подобного.

– Болотные бесы! – глаза Риса округлились, а голос, сорвавшись, дал петуха. – Оно точь в точь такое же, как у Мэтти!

Дилан кивнул. Он тоже прекрасно помнил, как зашептались деревенские, когда увидели гроб с покойником. Отпечаток алел на щеке Мэтти, будто какое-то маленькое, но очень злое существо отвесило ему пощёчину. Люди сочли это очень дурным знаком, и теперь над входом в каждый дом красовались обереги, сплетённые из рябиновых веточек и красных шерстяных нитей, а все пороги были щедро усыпаны солью. Близость Чёрного Леса, где издавна водились недобрые фейри, научила местных жителей не только осторожности, но и мелкому бытовому чародейству.

– А у меня, кажись, тоже такое есть, – малыш Кей задрал рубаху и показал живот с красной размытой отметиной чуть повыше пупка, рядом с парой длинных, уже заживающих царапин. – Я думал, то от компота: давеча опрокинул на себя кружку... Но оно не оттира-а-ается.

До него лишь теперь дошло, что пятно может быть опасным, и Кей всё-таки разревелся от страха. Дилан ничуть не осуждал брата: кто же не распускал нюни в двенадцать лет? Но сам он был старше почти на пять лет, и возраст обязывал

держат лицо.

– Давай потише! А то как маленький... – он честно попытался смягчить уже начавший грубеть голос.

– Ну вы и попали, ребята, – Рис хитренько улыбнулся. – Пойду-ка я домой, пожалуй.

– Постой! – Дилан поймал приятеля за плечо. – А у тебя ничего нет?

– Не-а, – Рис мотнул белобрысой головой. – Хотя в чём-то мне должно было повезти!

Он важно задрал нос; почти успокоившийся малыш Кей заныл с новой силой.

– Почему-у-у мы? Почему-у-у не он? Он же тоже там бы-ыл...

– Помолчи! – рывкнул Дилан, не глядя на брата. – Рис просто плохо искал. Метка может быть где угодно, даже на спине. А ну сымай рубаху.

– Ишь раскомандовался! – прошипел Рис, но рубашку всё-таки снял, явив миру впалую грудь и бледные рёбра. Кожа его мгновенно покрылась мурашками от холода.

Дилан придиричливо осмотрел приятеля, и, не обнаружив ничего подозрительного, заявил:

– Теперь штаны.

– Холодно же! – запротестовал Рис.

– Предпочитаешь сдохнуть?

Рис, не переставая ныть и ругаться, принялся распутывать завязки на поясе. Бранных слов он знал превеликое множе-

ство: с детства наслушался от пьянчуг в таверне. Дилан старался не слушать, что там приятель бубнит себе под нос: у него было занятие поважнее.

Спустя некоторое время ему пришлось признать, что на этот раз Рис оказался прав: на нём следа ладони не было.

– Я же говорил! – не преминул укорить Рис, стуча зубами от холода. – Ха! Бывайте, неудачники! Я с вами больше знаться не желаю.

Натянув штаны и рубаху, он пошёл прочь, ускоряя шаг, а потом и вовсе припустил бегом. Дилан не стал его останавливать.

Теперь это была их с братом беда, а что делать дальше, решать предстояло старшему – Дилану.

При одной мысли о визите на мельницу у него начинали подкашиваться ноги. Седовласым и нелюдимым колдуном их пугали с детства. Мол, будешь себя плохо вести – мельник заберёт. И хотя мальчишки ни разу не видели от колдуна зла, но на мельницу без лишней надобности старались не соваться. А ну как колдун разгневается и превратит докучливых посетителей в летучих мышей? Говорят, однажды был такой случай...

– Эй, смотри, – малыш Кей тронул брата за рукав. – Видишь, по дороге парень топает, рыжий такой? Я слышал, он новый ученик колдуна. Может, сперва у него спросим?

Весть про новых обитателей мельницы взбудоражила всю деревню пару месяцев назад. Прежде мельник жил один, а

тут вдруг завёл семерых учеников сразу. Этого парня Дилан уже видал прежде: тот как-то заходил к ним в лавку за свежим хлебом.

– Давай догоним его! – Дилан схватил брата за руку и потащил к тракту, стараясь не упустить рыжего из виду.

На бегу он пытался сообразить, как лучше обратиться к ученику колдуна, чтобы не попасть впросак. Ведь чародейство – ремесло сомнительное. Да и выглядел рыжий небогато: его когда-то добротная замшевая куртка служила хозяину уже не первый год, на локтях красовались заплаты, штаны были заляпаны придорожной грязью почти до колен, а кудрявые волосы разлохматил свежий утренний ветер. Парнишка с мельницы едва ли был старше самого Дилана.

– Эй, Рыжий! Постой, слышь! – позвал Дилан и тут же понял, что начало вышло неудачным: ученик колдуна вздрогнул и ускорил шаг.

– Погоди-те! Мы по делу. Очень-очень важному, – завопил малыш Кей из-за плеча брата.

А вот это, как ни странно, сработало: Рыжий остановился, обернулся (стало видно небольшое родимое пятно, похожее на парящую птицу, на его щеке) и, нахмурившись, спросил:

– Чего вам?

– Ты колдун? – уточнил Дилан. – Нам колдун нужен.

– Тогда к мастеру Патрику идите, – Рыжий смешно наморщил веснушчатый нос. – Я простой подмастерье.

– Дык боязно, – признался Дилан, переминаясь с ноги на

ногу. – Нам бы это... кого попроще.

Он опасался, что парень с мельницы поднимет их на смех или того хуже – разобидится и уйдёт, но Рыжий только вздохнул:

– Понимаю. Мастера Патрика все боятся. Так что за дело у вас?

Дилан, запоздало вспомнив о вежливости, назвалса сам, представил брата, и, прочистив горло, выпалил, как на духу:

– В общем, мы тут решили поймать фейри...

Брови рыжего ученика поползли вверх, а и без того большие глаза распахнулись ещё шире.

– Поймать фейри? – он хлопнул себя по лбу. – Да вы спятили! Даже не думайте! Это очень опасно.

Пришлось Дилану рассказывать с самого начала.

* * *

Идея, как обычно, принадлежала Мэтти. Но сперва Рис-младший принёс важную весть. Сбивчиво и торопливо он поведал приятелям, что дядька Гри из Тисового Лога, тот, которого прозывали Кривым, нашёл под крыльцом горшочек с золотом и вмиг из жалкого калечного бедняка превратился в богатого и уважаемого человека. Даже жениться собрался: заслал сватов сюда, в Чернолесье, к Рисовой старшей сестре. А что, жених завидный и к тому же теперь и не кривой вовсе: фейри промыли его больной глаз волшебной

утренней росой, тот и прозрел. Как именно всё случилось, дядька Гри не рассказывал, лишь усмехался в усы. Но невесте своей кое-что поведал, а Рис тишком подслушал и приятелям пересказал.

Мол, есть такие существа: зовутся Красные Ладощки. Это дети, которым не суждено было вырасти, которых феири похитили за мгновение до смерти. В любом селении такие есть, но не всякому дано их увидеть. Обычно Красные Ладощки недобрые создания – они губят взрослых людей, зато детей не трогают, потому что знают, каково жить без материнской заботы.

Красные Ладощки непременно выбирают одну из женщин деревни себе в приёмные матушки. Причём она сама может о том даже не подозревать. Но если хорошенько присмотреться, ее можно отыскать: эта женщина будет думать, что оставляет молоко для котов-мышеловов или кормит зерном перелётных птиц, хотя на самом деле всё угощение достаётся Красным Ладощкам. Она может считать, что потеряла в полях платок или шаль, но нет: просто маленьким феири потребовался новый наряд. Если же эта женщина сама не чужда колдовства и научится видеть своих волшебных детей, станет причёсывать их спутанные волосы, говорить ласковые слова и петь им колыбельные под крышей своего дома, то проживёт долгую жизнь и не будет ни в чём нуждаться. Правда, ни мужа, ни собственных детей у неё никогда не будет: Красные Ладощки за этим присмотрят.

Вот и вышло, что Кривой Гри нашёл такую матушку, заметив, как женщина будто бы причёсывает дитя, только никого рядом не видать, лишь гребень в её руках мелькает быстро-быстро. А ведьма, решив откупиться, велела Красным Ладошкам принести Гри горшок с золотом и исцелить его глаз в оплату за молчание.

Выслушав Риса очень внимательно, Мэтти решил, что они непременно должны отыскать матушку Красных Ладошек в родной деревне, а полученное золото разделить поровну: каждому по четверти горшка.

Дело оказалось не таким уж и простым, как думалось вначале: одиноких женщин в Чернолесье было немало и каждая из них годилась в матушки. Мальчишкам пришлось следить за ними долгие-долгие дни... И вот однажды, когда терпение было уже на исходе, и все, кроме жадного Риса, уже были готовы расстаться с мыслью о золоте, Мэтти прибежал с важным известием.

– Это старая Мэринэн! Из дома на окраине, больше никому.

Все согласились, потому что не привыкли спорить с Мэтти: тот действительно редко ошибался.

Старухе было лет сто, но, казалось, возраст ничуть не тяготил её. Она никогда не просила о помощи, одна ухаживала за своим садом, а ещё вязала шали и пледы на продажу. Руки её даже в старости оставались ловкими, а взор – ясным, как у молодой девушки. Все знали, что прежде бабушка Мэринэн

была замужем, но очень рано овдовела. Своих детей она не нажила, а её приёмная дочь, красавица Лилс, давным-давно пропала без вести по пути на ярмарку – и поговаривали, что без фейри не обошлось.

– Мы должны натереть глаза соком чёрной бузины, и тогда тоже сможем увидеть их, – сказал Мэтти.

– И зачем нам на них пялиться? – Рис-младший скривился, будто съел что-то очень кислое. – Говорят, страшные они.

– А я хочу увидеть фейри, – заныл малыш Кей. – Пусть покажутся.

Дилан почесал в затылке и поинтересовался:

– Как же мы бабку схватим, ежели она ведьма? Тут и бузинный сок не поможет – заколдует нас и всё.

– Не бойсь, не заколдует! – Мэтти вытащил из кармана когда-то белый, а ныне бурый и измятый платок. – Видишь? Это сильный оберег против любых вредных чар, я у сестры спёр, а ей аж из столицы привезли. Ты же знаешь, она помещанная на всяких сглазах-приворотах. Так что ведьма ниче-гошеньки не сможет нам сделать.

Платок по решению Мэтти разорвали на четыре части; каждый взял себе по одной.

К дому Мэринэн они пошли ночью. По дороге Рис не раз пытался вспомнить об очень важном деле и удрать, но Мэтти крепко держал трусишку за рукав. Если уж и идти, то всем вместе, так он считал.

Несмотря на поздний час, в доме старухи светилося окно.

Дилан посадил малыша Кея к себе на плечи, и тот осторожно заглянул в комнату.

– Бабка не спит, – прошептал он. – Сидит возле печи, вяжет. Слышите, у неё целых три свечи горит!

– Ого! И это даже не в праздник, – Дилан удивился старухиному расточительству.

У Мэтти загорелись глаза от предвкушения близкой разгадки тайны.

– Скажи, скажи, что она вяжет?

Малыш Кей потоптался на плечах у брата и даже подпрыгнул. В ответ Дилан дёрнул головой и яростно зашипел:

– Эй, танцуй полегче там!

– Она вяжет носки. Очень-очень маленькие носочки! – Кей, всё-таки потеряв равновесие, кубарем скатился вниз, оцарапавшись о шипы плетистых роз, заполонивших весь сад.

– Попалась, матушка! – ухмыльнулся Мэтти, потирая руки. – Рис, постучись-ка в дверь.

– А чо сразу я? – заартачился тот. – Сами идите.

– Ты всё равно не хотел видеть фейри. Значит, тебе и бабку отвлекать. А мы пока влезем в окно.

– Ох, мамка теперь задницу надерёт... – грустно сказал малыш Кей, глядя на дыры от шипов, оставшиеся на рубашке.

– Не надерёт, – Мэтти хлопнул его по плечу. – Мы важное дело делаем: избавляем деревню от ведьмы. Молоко у вас

скисало? И масло не сбивалось, а? Вот то-то же! Нам ещё спасибо скажут. Давайте, живее!

Он подтолкнул замешкавшегося Риса в спину, и тот, вздыхая и спотыкаясь на каждом шагу, потащился к крыльцу. Вскоре до ушей Дилана донёлся еле слышный стук. Ответа не было; Рис постучал второй раз, уже настойчивее. Свет в окне дрогнул: кажется, старая Мэринэн взяла подсвечник и пошаркала ко входу.

Дилан тут же подсадил Мэтти на подоконник. Тот ловко отворил окно и исчез внутри дома. Следом вскарабкался Кей, а Дилана втащили последним.

В комнате было темно, хоть глаз выколи. Дилан, протянув вперёд руку, шагнул наугад, и вмиг налетел на что-то твёрдое (возможно, стол). Он скрипнул зубами от боли, но стерпел и больше не проронил ни звука. Кто-то из приятелей (судя по настойчивости – Мэтти) схватил его за руку и потащил за собой. Дилан по-прежнему ничего не видел, натёкался на мебель и углы, шипел и тщетно пытался вырваться.

– Скорее, а то упустим ведьму! – Мэтти дёрнул его за рукав так сильно, что затрещала ткань.

Вдруг где-то впереди забрезжил свет. Споткнувшись о твёрдый порожек, Дилан успел увидеть изумлённое лицо старой Мэринэн, обернувшейся на шум. Потом он упал, утянув за собою Мэтти, бранящегося на все лады. Свет погас. За их спинами совсем по-девчачьи взвизгнул от страха малыш Кей, и тут же послышался крик Риса-младшего:

– Уходит! Уходит ведьма!

Первым опомнился Мэтти. Он вскочил на ноги и, прихрамывая, бросился во двор, крепко сжимая в руке свою часть зачарованного платка.

– Скорее! Далеко не убежит!

Дилан замешкался лишь на мгновение, чтобы дождаться малыша Кея. Когда они вдвоём выбежали на крыльцо, Рис, кряхтя, поднимался с колен.

– Она толкнула меня! Представляете? Она толкнула, и я упал!

– Кто толкнул? Бабка? – не понял Дилан.

– Ну а кто же ещё? – фыркнул Рис. – Сильная, как бесовка болотная, даром, что старая.

– А может, это были Красные Ладшки? – предположил малыш Кей.

– В-вы их в-видели? – от страха Рис начал заикаться.

– Не-а, – хором ответили сыновья пекаря: младший с сожалением, а старший – с облегчением.

Из темноты послышался голос Мэтти:

– Эй, где вас там носит? Скорее, сюда!

Его тёмный силуэт виднелся у ограды, возле раскидистой чёрной бузины. Мэтти смотрел на пышно разросшееся дерево и озадаченно почёсывал в затылке.

– Мне кажется или этого тут раньше не было?

– Ты, наверное, просто не помнишь, – Рис-младший на всякий случай спрятался за спину Дилана и заговорил сно-

ва. – Ребят, пойдёмте, а? Меня дома хватятся. А карга Мэринэн нас как пить дать узнала и нажалуется. Всем влетит, помяните моё слово.

Он схватился за поясницу, прогнулся назад и поморщился, словно предвкушая неизбежное наказание.

– Погоди-ка, – Мэтти медленно потянулся к бузине и попытался отломить веточку.

Та никак не поддавалась и Мэтти достал нож. Кр-р-ак! В его лицо брызнул тёмный сок. И как-то слишком много было этого сока... Дилан, стоявший рядом, почувствовал, как по его щеке тоже стекает капля. Он утёрся и в немом ужасе воззрился на свою ладонь, покрытую чем-то липким и вязким, совсем не похожим на сок растения.

Из отломанной ветки равномерными толчками сочилась густая жижа. В воздухе запахло, как в мясной лавке.

– Это что?.. – пролепетал Мэтти.

Даже в ночи было заметно, что он побледнел, как полотно, потом понюхал свою руку, осторожно прикоснулся к ладони кончиком языка и тут же сплюнул на землю.

– Проклятье! Кровь!

Он отбросил сломанную ветку в сторону, и та на глазах у изумлённых мальчишек превратилась в отрубленный человеческий палец с длинным острым ногтем. Где-то совсем рядом раздался леденящий душу вой...

Все четверо, не сговариваясь, заорали и бросились бежать, куда глаза глядят, – лишь бы подальше от дома на окра-

ине. Они неслись, не останавливаясь, до самой деревни, и только там наконец сумели перевести дух. К счастью их, кажется, никто не преследовал.

Следующие два дня всё было тихо. Старая Мэринэн, если и узнала ночных гостей, не спешила жаловаться их родителям. Бесстрашный малыш Кей осмелился даже прогуляться до её дома и сообщил приятелям утешительные вести: бабка вела себя как ни в чем не бывало: копалась в саду, готовила обед, пряла, в общем, не делала ничего подозрительного. А вот бузинного дерева у ограды больше не было. Может, им с перепугу померещилось?

Все были бы рады поверить в это, а ещё лучше – сделать вид, что ночного приключения вовсе не было, но Мэтти упорствовал. Он стал совершенно одержим ведьмой, всё твердил, что надо вывести её на чистую воду, призывал вернуться в дом на окраине. Вот только никто не захотел туда идти – и друзья крепко поссорились.

А на следующий день Мэтти упал с лестницы и свернул себе шею.

* * *

– Так чего вы хотите от меня? – озадаченно спросил ученик колдуна, выслушав Дилана.

– Нам бы совета. Чего делать-то?

Рыжий попытался скрыть самодовольную улыбку, но

тщетно. Очень уж ему было приятно, что его мнения спрашивают.

– Во-первых, сок чёрной бузины – ерунда, – важно пояснил он. – Так вы никогда не увидите фейри. Разве что те сами решат вам показаться. Во-вторых, кто же режет обереги на части? Даже если он и работал, вы испортили его, превратив в бесполезный кусок ткани. А в-третьих, если вы обидели могущественную ведьму, может, стоит пойти к ней и извиниться? Может, она не такая уж злая? Хуже вряд ли будет.

– Нечего сказать, утешил, – Дилан шмыгнул носом. – Вообще-то мы уже пробовали, но без толку. Как малыш Кей к ней сунулся, так с тех пор никто из нас пройти не может.

Дорога вроде верная, но водит кругами. Нет ли другого средства? Оберега или зелья? Я могу заплатить!

Он достал из кармана пятнадцать медяков: целое состояние для деревенского мальчишки его возраста. Но Рыжий на деньги даже не взглянул.

– Убери это. Так и быть, сам схожу к госпоже Мэринэн и попробую всё разузнать. Я ей зла не делал, стало быть, меня она пустит. Наверное.

Дилан почувствовал, будто с плеч упала огромная гора. Ему стало вдруг совестно, что он поначалу был не слишком-то вежлив с учеником колдуна. Мало ли у кого неказистый вид? Нельзя считать человека себе ровней, когда он сколько знает! Дилан поклонился и заставил малыша Кея тоже склонить голову.

– Будем премного благодарны за помощь, господин колдун... Э-э-э, кстати, как вас звать?

– Моё имя Элмерик. И я не колдун, а бард. Знать надо разницу! – сказал Рыжий, указывая на серебряную флейту, висящую у него на поясе.

Дилан, признаться, не видел различий (какая разница, чем колдовать: музыкой, словами, травами или письменами огама) но спорить не стал. Лишь пожелал господину барду доброго пути и уверил, что будет ждать вестей в условленном месте: за таверной, под соломенным навесом.

* * *

Элмерику не так уж часто доводилось спускаться с мельничного холма в деревню, но он хорошо помнил дом на окраине, увитый плетущимися розами. Дойти туда было проще простого: топай себе по дорожке прямо и прямо, пока не выйдешь к дубу с раздвоенным стволом, а а дальше уже и дом за изгородью виднеется. Но сегодня всё было иначе: дуб нашёлся, а вот дальше тропка начала кружить и петлять, уводя в поля.

После пары неудачных попыток Элмерик понял, что имеет дело с самым настоящим мороком, и счёл за лучшее сразу объяснить, чего хочет.

– Я никому не желаю зла! Дайте пройти, по-хорошему прошу, – сказал он так, чтобы адресовать свои слова сразу

и деревьям на обочине, и камням под ногами и неубранным колосьям в поле (ведь фейри могли быть везде).

Порыв ветра всколыхнул крону старого дуба. Упавший жёлудь щёлкнул Элмерика по носу, затем всё стихло. Ученик колдуна чувствовал: фейри были совсем рядом, они прятались за раздвоенным стволом, в раскидистых ветвях и под камнями. Он никого не видел, но чувствовал, что даже воздух звенел от близости малого народца. Те будто опасались барда, но при этом были полны решимости защищать свои владения.

– Госпожа Мэринэн! – позвал Элмерик, уже ни на что не надеясь. – Госпожа Мэринэн? Где вы? Я хочу только поговорить!

Как ни странно, это помогло. Морок, дрогнув, рассеялся, и Элмерик вдруг заметил бодрую старушку, идущую вверх по тропинке к дому с корзиной яблок в руках. Старушка обернулась и прищурилась, силясь разглядеть, кто её кличет. Дождавшись гостя на тропе и узнав, что это ученик мастера Патрика, колдуна с мельницы, старая Мэринэн расцвела и велела непременно передать учителю её безграничную благодарность за прошлые дела, а ещё – баночку яблочного джема.

Радужное приглашение на чай Элмерик принял с радостью, хотя никак не ожидал, что чаепитие затянется на целых три часа: старушка оказалась весьма говорливой. Про вторжение Мэтти и его приятелей она не помнила, зато уверен-

но утверждала, что с заходом солнца ложится спать, так что никогда, никогда не сидит в гостиной в столь поздний час. И, конечно же, не вяжет ночью при свечах. Сперва Элмерик подумал, что старуха лукавит, но задав ещё пару вопросов, окончательно убедился: та понимала в колдовстве ничуть не больше других жителей Чернолесья.

Бесспорно, госпожа Мэринэн находилась под защитой фейри, но не была ведьмой. Своё везение и доброе здоровье она объясняла удачей и силой родной земли: за всю свою долгую жизнь она ни разу не покидала деревню. Здесь вышла замуж и овдовела, здесь вырастила приёмную дочь Лилс. Та была весьма хороша собой, но отчего-то засиделась в девках, хотя от женихов отбою не было: видать, переборчивая оказалась невеста. А однажды Лилс пропала. Кто-то говорил – сбежала с заезжим купцом, кто-то считал, что пошла купаться да утонула. Но старая Мэринэн была уверена: красавицу-дочь увели в холмы фейри. Жаль только, что поздно спохватились, и бедняжку Лилс уже было не вернуть...

Элмерик попытался узнать про чёрную бузину возле изгороди, но и тут потерпел неудачу. Старуха заверила, что знает все деревья в своём саду, а бузины на том месте отродясь не бывало.

Так Элмерик и ушёл ни с чем, если, конечно, не считать гостинцев для мастера Патрика и целого чайника выпитого травяного чая.

В таверне под навесом его уже заждались и наверняка костерили на чём свет стоит; в лицо, впрочем, никто ничего не сказал.

К Дилану и малышу Кею, устроившимся прямо на траве, присоединился и Рис-младший, который в порыве небывалой щедрости притащил с собой кувшин сидра и свежий капустный пирог. Выслушав рассказ барда, мальчишки померчали и насупились, а Дилан спросил за всех:

– И что нам теперь делать? Перед кем извиняться, если старая карга ничего не помнит. Перед её фейри, что ли?

– Фейри не станут вас слушать, – уверенно ответил Элмерик.

– Может, они послушают тебя, бард? Поговори с ними, – Рис с заискивающей улыбкой придвинул пирог поближе к Элмериду. – Хочешь ещё сидра?

– А тебе-то чего? – нахмурился Дилан. – Сам сказал, что больше не хочешь с нами знаться. А теперь снова в друзья набиваешься. Что случилось?

– Ну... мы же и есть друзья, – Рис улыбнулся ещё шире. – Столько лет вместе. Я просто не могу оставить вас в беде.

Хоть Дилан и считал себя умнее брата, но первым тайну Риса разгадал малыш Кей.

– Всё-таки не свезло? У тебя теперь тоже метка, да? Где?

– На пятке, – признался Рис, опуская взгляд. – Что, довольны теперь?

Малыш Кей сплюнул.

– Значит, ты тоже неудачник!

Дилан нахмурился, но ругать брата не стал, потому что и сам считал, что поделом тощему. Будет знать, как зазнаваться и бросать приятелей в беде.

А Элмерик, прикинув что-то в уме, вдруг кивнул.

– Ладно, я попробую поговорить с фейри. Но если ничего не выйдет, не обессудьте. Они – своенравный народ.

Бард хлебнул ещё сидра и передал кувшин Дилану, но тот отказался.

– Не пью я. Матушку чтобы не расстраивать. Её брат, а мой, стало быть, дядя прежде был первым парнем на деревне, а потом стал выпивать – и как подменили. Весь остаток жизни то пытался остепениться, то срывался, потом просил прощения и снова пил, пока не помер.

– А вот я, пожалуй, выпью, – Рис отхлебнул прямо из кувшина; его острый кадык ходил ходуном, а руки дрожали от страха.

Элмерик обратился к Дилану как к самому толковому из мальчишек.

– Я возьму с собой немного сидра и кусок пирога. Ещё мне понадобятся плошка с мёдом, пучок тимьяна и три свечи из белого воска. А если я не вернусь к рассвету, беги к мастеру Патрику, не медля. Понял?

Дилан кивнул. Он успел поволноваться из-за восковых свечей: в деревне такими почти не пользовались, предпочитая более дешёвые жировые. Но тревога оказалась напрасной: свечи для дела украл Рис.

Элмерик сложил припасы в узелок, поднялся и на всякий случай предупредил:

– Не вздумайте ходить за мной. То, что я собираюсь сделать, – очень опасно.

Кажется, его послушались: Элмерик несколько раз оглядывался, но за ним никто не шел.

* * *

Всю дорогу Элмерик мысленно корил себя за опрометчивые обещания. Сперва ему показалось, что дело не стоит выеденного яйца. Теперь же, когда всё так сильно запуталось, отступить не позволяло самолюбие. Да и идти к строгому учителю с повинной тоже не улыбалось – клюка у мастера Патрика была тяжёлая...

Элмерик вновь направился к приметному дубу с раздвоенным стволом – туда, где в прошлый раз ощутил присутствие фейри. Торопиться было незачем: малый народец если и являлся на зов, то чаще с наступлением темноты, а значит, времени на приготовления было достаточно.

Он разложил угощение у корней дерева – мастер Патрик всегда говорил, что негоже являться к жителям волшебного

леса без даров, особенно если хочешь получить что-то взамен. Затем Элмерик срезал три ореховых прута, содрал часть коры и вырезал на них колдовские знаки. Прутья он зарыл под дубом: теперь фейри не смогли бы просто схватить подарки и сбежать.

Когда начало смеркаться, Элмерик запалил в ряд три белых свечи. На пламени первой он сжёг пучок тимьяна, на второй – свежие листья плюща, сорванные у дороги, на третьей – цветки зверобоя. Эти травы малый народец особенно любил.

Почти сразу в кустах послышался шорох. Элмерик даже вздрогнул: он не ожидал, что фейри явятся на зов так быстро, но, спустя мгновение понял свою ошибку.

– Эй, я же велел за мной не ходить!

Он ожидал увидеть малыша Кея – самого младшего и любопытного из всей троицы, но не угадал: из зарослей ежевики, волоча за собой цепляющиеся зелёные побеги, вылез смущённый Дилан.

– Я это, ну, только убедиться, что всё хорошо, – он опустил глаза. – А то мало ли...

Ветви могучего дуба угрожающе закрипели, где-то вдалеке заворчал гром, а в воздухе вдруг пахло грибами, плесенью и сырой землёй.

– Прячься! – рявкнул Элмерик. – Они близко!

Дилан не сдвинулся с места. Казалось, он оцепенел от страха. Элмерику пришлось схватить его за грудки, с силой

втолкнуть обратно в кусты и самому прыгнуть следом. Проклятая ежевика в тот же миг отомстила им, впившись в кожу всеми своими колючками. Элмерик закусил губу чтобы не заорать, и на всякий случай погрозил Дилану кулаком, мол, терпи.

А у корней дуба с раздвоенным стволом уже слышались топот и шепотки, напоминающие то ли шорох листьев, то ли жужжание насекомых. Одна из свечей погасла. Дилан вздрогнул. Элмерик успокоил его кивком и приложил к губам палец. Всё шло, как надо. Вторая свеча тоже погасла в срок, осталась гореть лишь та, на которой прежде сожгли зверобой. Фейри пришли на зов.

Красные Ладони двигались так стремительно, что в сумерках даже ученику колдуна было под силу углядеть, как мелькают тени, но не сосчитать их. Однако мёда в плошке будто бы стало меньше, сидра тоже порядком убыло, а стоило Элмерiku на миг отвернуться, как маленькие лапки стащили из-под дуба последние остатки пирога.

Шёпот становился всё громче; вскоре в нем можно было разобрать отдельные слова.

Хватай. Еда. Вкусно. Руки убери. Темнеет. Солнце село. Страшно. Очень страшно... Дева-Бузина. Она придёт. Сегодня ночью. Непременно придёт. Уже близко. Торопись. Торопись. Торопись. Прячься...

Дилан пошевелился, под его ногой хрустнула сухая ветка. В траве ещё громче зажужжало и зашелестело, но сила

заклятия ореховых прутьев не позволяла феэри уйти. Недовольные голоса окрепли и, судя по расширяющимся глазам бедняги Дилана, теперь он тоже слышал их шёпот.

Не пускает. Держит нас. Не уйти. Вот беда. Беда. Беда... Где же он? Где этот колдун? Пусть покажется! Пусть говорит. Что ему надо? Что?

Душа Элмерика ушла в пятки – слишком уж жуткими были эти тихие нечеловеческие голоса. Будь он один, возможно, не стал бы показываться. Просто снял бы украдкой заклятие и дал Красным Ладошкам убраться восвояси. Но перед Диланом ударить в грязь лицом было стыдно.

Элмерик выпрямился и снял с шеи оберег, делавший его невидимым для феэри.

– Я здесь! – сказал он. – Но буду говорить только со старшим из вас. Пусть он выйдет в круг света.

– Тогда и ты встань в круг, – потребовал высокий скрипучий голос. – И другие обереги сними. Чтобы без холодного железа и прочих глупостей.

Единственная горящая свеча дрогнула от порыва ветра, но не погасла. Элмерик вынул нож, не без сожаления перерезал заговорённую нить на запястье и, сунув её обрывки в карман, медленно положил нож на землю рядом с Диланом.

– Булавку из подклада тоже вынь, – проскрипел невидимый голос. – Ишь, хитрый... И не думай, что твоя охранная птичка на щеке тебя спасёт. Хотя и мощный колдун метку ставил, да нас-то всё равно больше.

Сделав всё, что было велено, Элмерик шагнул в круг света и едва не отшатнулся, увидев прямо перед собой феэри не больше двух футов ростом с лицом пятилетнего ребёнка. На подбородке росла жидкая козлиная бородёнка. На худощавом тельце феэри весьма ладно сидел новенький вязаный костюмчик из зелёной пряжи, подпоясанный побегом молодого плюща.

– Ох, и повезло же тебе, колдун, что ты сам ещё дитя. Никогда, слышишь, никогда не соглашайся на условия феэри. Заморочат. Защекочут. Загрызут. Знаешь, как это бывает? Знаешь? – феэри захихикал, обнажив ряд острых зубов.

Элмерик побледнел и, хоть давно не считал себя ребёнком, возражения благоразумно оставил при себе.

– Отчего же повезло? – дрогнувшим голосом уточнил он. Феэри почесал острое ухо с кисточкой на самом кончике.

– А оттого, что мы не убиваем детей. Вот взрослые – то другое дело. Мерзкие. Гадкие. Грязные. Плохо пахнут. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

– Но ведь это вы убили Мэтти? – спросил Элмерик. – И ещё трое носят проклятие с отпечатком ваших ладоней. Разве это не означает, что они скоро умрут? И разве они не дети?

Феэри взглянул на свои красные ладошки, будто что-то припоминая, а потом громко икнул и запричитал, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Беда-беда-беда. Не должно так быть. Это не мы, это

всё Дева-Бузина. Она заставляет. Угрожает. Бьёт. Отнимает шапки. Знаешь, как это... Ах, ничего ты не знаешь!

Он закрыл уши руками и замотал седой головой. Тут до Элмерика кое-что начало доходить и он поспешил утешить маленького собеседника.

– Я подарю вам новые шапки, если расскажешь, кто такая эта Дева-Бузина, почему она убивает людей и заставляет вас делать всякие нехорошие вещи.

– Не могу – не могу – не могу. Она услышит. Будет бить. Жечь. Бросать горячие угли под пятки-и-и... – фейри взвизгнул и, зажмурившись, закружился на месте, будто уже очутился на раскалённой жаровне.

– Как она услышит, если мы стоим в волшебном круге? – напомнил Элмерик.

Фейри остановился и медленно приоткрыл один глаз. Потом второй. Огляделся. Босой пяткой, на которой и впрямь виднелись следы ожогов, пнул из круга какой-то камешек и, понизив голос до шёпота, сказал:

– Только тс-с-с! У неё везде уши. Везде. Дева-Бузина очень злая. А прежде была доброй. Она была нашей матушкой. Оберегала. Ласкала. Защищала. Пела нам песенки. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

Элмерик кивнул и поспешил уточнить:

– Она была ведьмой? Видела вас и знала, с кем имеет дело?

– Так только глупые смертные говорят, – обиделся фей-

ри. – А мы говорим: матушка. Из дома на окраине леса. Где розы. Много, много роз. Прежде она любила нас, но теперь не любит. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

Его извечная присказка начинала выводить Элмерика из себя, но он взял себя в руки, сделал пару глубоких вдохов и продолжил расспросы.

– Значит, ваша матушка – ведьма из дома на окраине?

Фейри сложил руки на животе и важно кивнул.

– Бабушка Мэринэн?

Его маленький собеседник покачал головой.

– Нет, это вторая матушка. Новая. Она не знает о нас. У той было другое имя. Другое. Не помню... Она велела не произносить. Забыть. Стереть. Спрятать. Теперь она Де-ва-Бузина. Только так, и никак иначе.

– Может быть, её звали Лилс? – Элмерик припомнил, как старуха называла пропавшую дочь.

Фейри с размаху сел на землю, дотянулся до плоски с остатками мёда, окунул туда палец с длинным и загнутым, почти как у зверя, когтем, облизал его и одобрительно крикнул.

– А с тобой можно иметь дело, мальчик-колдун. Ты смыслённый. Может, сам смекнёшь, что дальше было?

– Может, ты не можешь рассказывать об этом? – догадался Элмерик. – Какое-то заклятие мешает?

– Давно мне не встречались умные смертные. Даже странно: ведь уже почти взрослый!

Ободряемый кивками и радостными возгласами фейри, Элмерик продолжил строить догадки.

– Вы отваживали от Лилс женихов, потому что она была вашей матушкой? А потом она пропала. Решила сбежать и бросить вас, да?

– Мы не любим предателей, – фейри даже перестал выливать плошку. – Тех, кто нарушает слово, ничего хорошего не ждёт.

– Вы убили её? – Элмерик похолодел от ужаса. – Свою матушку?

Фейри вскочил и, исполнившись праведного негодования, замахал на него тонкими, как веточки, ручками.

– Нет-нет-нет. Мы не могли. Не посмели бы. Мы ведь любили её. Нашу матушку. Нашу сестру. Нашу плоть и кровь. Нашу отраду.

– Но ведь она мертва?

Старейшина маленького народца скорбно вздохнул.

– Ага. Мертвее мёртвого. Уже давно. Мертва. Жива. Спит. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

Элмерик, кажется, начинал понимать, как мыслят Красные Ладшки, сочетая мудрость веков с детской живостью и непосредственностью. Вот только намёки фейри казались ему туманными, а суть по-прежнему ускользала.

– Если вы не убивали Лилс, может, её избранник оказался дурным человеком?

– Ах, как же много на свете дурных людей! – воскликнул

фейри. – Они близко. Рядом. Совсем рядом. Всегда тут. Но вы наивные. Глупые. Доверчивые. Даже не подозреваете. А когда спохватываетесь, уже поздно. Слишком поздно. Навски.

– Её убил кто-то знакомый? Тот, кому она верила? – догадался Элмерик.

– Страх уродует людей. Побуждает их делать жуткие вещи. Заставляет ненавидеть тех, кого раньше любили. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

Охваченный азартом Элмерик чувствовал, что идёт по верному пути.

– Он узнал, что Лилс была ведьмой? Или даже увидел кого-то из вас?

– Очень умно, – похвалил фейри. – Тепло. Близко. Почти у цели.

– Это был кто-то из деревни? Как его звали? Её имя тебе нельзя сказать, но его-то можно?

Старейшина захлопал в ладоши.

– Она говорила: Мэдок. Мэдок Задира.

– Ты всё врёшь! – слышалось за спиной. – Не может такого быть!

Элмерик вздрогнул и обернулся: он уже успел забыть, что оставил в зарослях Дилана, а тот всё это время слушал.

– Ах, негодяй, ты был не один! – возмутился фейри и попытался было выскользнуть из круга, но Элмерик успел перехватить его за пояс. – Ты тоже не один, а с приятелями,

хоть их и не видно. Не было такого уговора, чтобы одному.

Маленький собеседник перестал вырываться и обмяк. Дилан тоже шагнул в круг света. Одна свеча горела тускло, места на троих едва хватало. Дилан вытаращился, увидев фейри, но нашёл в себе силы приветствовать того поклоном.

– Он сказал, что я вру, – старейшина Красных Ладошек смешно наморщил нос, будто собрался заплакать. – Скажи ему, мальчик-колдун, что наш народ никогда не лжёт.

Дилан вопросительно глянул на Элмерика, тот кивнул, подтверждая слова фейри, а потом сам задал вопрос:

– Кто такой этот Мэдок Задира? Ты знаешь его? Можно ли призвать его к ответу?

Дилан вздохнул.

– Знаю, конечно, как не знать. Помнишь, я говорил про дядьку моего? Это он и есть. Ответ держать будет уже на том свете.

– Плохо дело, – Элмерик выпустил фейри. Тот, поджав губы, принялся отряхивать помявшийся костюмчик. – Если мы не можем привести обидчика, значит, нам не разжалобить Деву-Бузину. Боюсь, тут и мастер Патрик не поможет.

Дилан решительно расправил плечи.

– Тогда я сам к ней пойду. Мать всегда говорила, что мы с дядей Мэдоком очень похожи. Глядишь, в темноте Дева-Бузина не разберёт, с кем говорит.

– Она убьёт тебя, – посулил фейри. – Заплетёт травами. Пронзит острыми ветками. Разрежет на кусочки. Ты будешь

умирать долго, как бабочка в смоле. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

– Теперь-то всё одно помирать, – отмахнулся Дилан. – Не ты ли оставил на мне метку? А так, может, хоть малыш Кей будет жить. И Рис-младший. Хоть он и воришка, но безвременной смерти никто не заслуживает.

– Да что ты знаешь о безвременной смерти? – обиделся фейри. – Все там будем. Я бы сделал это быстро и без боли. Шея кр-р-рак и всё. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

– Я боли не боюсь, – Дилан храбрился, но голос его всё же дрогнул.

Элмерик восхищался его смелостью.

– Могу дать тебе свои обереги. И наколдую кое-что ещё, чтобы она точно приняла тебя за Мэдока. У тебя найдётся вещь, которая прежде принадлежала твоему дяде?

Дилан снял с головы шапку и молча протянул ему.

– Вот и отлично, – Элмерик перевёл взгляд на старейшину Красных Ладшек. – А ты скажи, где найти Деву-Бузину?

– Знамо где! У излучины. Там где растёт больше всего чёрной бузины! Вот только ничего у вас не выйдет! Не получится! Она вас на кусочки разрежет. Заморозит. Изжарит. Съест. Дева-Бузина вас...

– Замолчи! – Элмерик задул свечу.

В тот же миг фейри подпрыгнул на месте, хлопнул в ладоши и исчез, словно его никогда и не было.

– Ты в самом деле хочешь пойти к ней? – спросил Элмерик, когда они дошли до ручья, зовущегося в народе Рябиновым. По его берегам сплошь росли молодые рябинки, и оттого бузинная излучина казалась особенно приметной.

– Не хочу, – признался Дилан, комкая в руках шапку, – но сделаю. Всё равно больше некому.

Он был настроен решительно, а то, что его пробивало дрожью, старался списать на ночной холод.

– Тогда послушай внимательно, – заговорил Элмерик. – Может, мои наставления не помогут, но вреда от них точно не будет. Фейри и впрямь не лгут: усомниться в этом означает нанести им тяжкое оскорбление. Но ты сам, когда будешь с ней говорить, постарайся не врать тоже: некоторые волшебные существа способны чуют запах лжи. Вот это возьми: пока оберег на тебе, Дева-Бузина не сможет причинить тебе зла. Она будет придумывать всякие ухищрения, чтобы заставить его снять, – не поддавайся. И ни в коем случае не показывай ей метку Красных Ладошек, иначе она сразу догадается о подлоге. И вот это возьми тоже. Надень Деве-Бузине на шею, чтобы разрушить чары и прогнать умертвие.

– Так просто? – удивился Дилан, вертя в руках латунный медальон.

– Может, и не очень просто. Если что, я буду неподалёку.

Элмерик собрался было уйти, но Дилан остановил его. Он словно тянул время, чтобы не идти к ручью.

– Почему одни мёртвые спокойно уходят в Мир-под-волной, а другие застревают здесь и докучают живым?

Элмерик пожал плечами.

– По-разному бывает. Кто-то хочет присмотреть за дорогим ему человеком. Кто-то не может оставить незаконченное дело. А кто-то жаждет отмщения. Но немногие могут остаться здесь после смерти по собственной воле. Думаю, Лилс была очень сильной ведьмой, раз ей это удалось. Она ведь и стала не призраком или бестелесным духом, а злой фейри. Обычно так не бывает...

Над водой Рябинового ручья стал сгущаться туман; тёмные кроны бузины над ним стали выглядеть ещё более зловещими. По спине Дилана пробежали мурашки, а на висках выступил липкий пот.

– Здесь так много этих деревьев... – он тяжело дышал, будто долго бежал вверх по склону. – Которое мне выбрать? Может, попробовать найти ветку, что отломил Мэтти?

Тучи разошлись, над лесом показался жёлтый серп луны. От её неровного света все тени сделались глубже и резче. В шуме ветра слышалось тихое перешёптывание. Теперь Дилану казалось, что из-под каждого куста на него кто-то выжидающе смотрит. И самое ужасное, эти страхи вполне могли оказаться правдой.

– Думаю, её раны давно затянулись, – Элмерик остановил-

ся перед зарослями: ему тоже было не по себе, – Но помнишь, твой дядя... то есть, ты – её возлюбленный! Попробуй позвать девушку по имени... И помни про оберег!

Элмерик скрылся среди лопухов, а Дилан покрепче сжал в руке медальон, отряхнул промокшие от росы штаны, пригладил волосы, будто и впрямь собрался на свидание, а потом надел шапку дяди Мэдока и шагнул вперёд, раздвигая высокие травы. Сердце колотилось, как сумасшедшее.

– Эй? Лилс? – осторожно позвал он.

Ответом ему была тишина.

– Посмелей, – прошипел Элмерик из лопухов. – Пищит тут, как мышь...

Дилан разозлился. На себя и на друзей, наделавших страшных глупостей. На ученика колдуна, вечно поучающего и задирающего нос. На весь проклятый Чёрный лес, испокон веков даривший приют самым опасным созданиям, утаскивающим людей в холмы.

– Эй, ты здесь, Лилс? – его голос прозвучал настойчиво и уверенно. – А ну выходи, где ты прячешься?

Гнев сослужил хорошую службу: одно из деревьев пошевелилось, от ствола отделилась тень и медленно поползла в сторону Дилана. По мере приближения менялись её очертания, и вот уже древесный силуэт превратился в тонкую девичью фигуру. Кудрявая крона стала тёмными волосами, кора обернулась нарядным платьем, только глаза девушки остались нечеловеческими и страшными: закрытыми плёнкой,

как у птиц, только совсем чёрными и без зрачков.

— Ну здравствуй, милый, — она протянула руку и Дилан с ужасом увидел, что ногти Девы-Бузины так остры, что легко могут разорвать живую плоть. — Долго же тебя пришлось ждать...

Дилан невольно отступил на шаг, но Лилс тут же оказалась перед ним, ещё ближе, чем прежде. Когтистые руки легли ему на плечи, но через мгновение девушка отдернула их, будто обжегшись.

— Зачем ты так, милый? И это глупое украшение на шее тебе совсем не к лицу. Сними его! — голос её был малость грубоват для прекрасной юной девы.

— Пусть пока останется, — Дилан собрал в кулак всю свою волю, чтобы голос звучал спокойно и властно. — Сперва мы поговорим.

— О чём ты хочешь говорить? — Лилс надула губы — алые, как свежая кровь.

При жизни она, наверное, и впрямь была очень красивой, но теперь впечатление портили ужасные глаза и длинные пальцы, похожие на ветви. Только сейчас Дилан заметил, что на правой руке Девы-Бузины не хватает половинки безымянного пальца.

— Я... — в горле встал удушливый ком, и Дилану пришлось сглотнуть. — Я хотел сказать, что был не прав...

— Конечно, ты был не прав, — дева расхохоталась в голос, но глаза её остались мрачными и безжизненными. — Разве

добрый человек станет топить свою возлюбленную в реке, пусть даже и узнав, что она ведьма? Но ты это сделал! Как теперь оправдаешься, Мэдок?

– Что сделано, то сделано. Какие уж тут оправдания, – Дилан нашёл в себе силы глянуть прямо в лицо злобной феэри и не опустить глаза.

– Интересно было бы послушать, – её пальцы постоянно находились в движении, они гладили по Дилана по шее, терблили верёвку, на которой висел амулет, будто искали лазейку в его защите. – Одно дело взять и столкнуть девушку с обрыва. Это ещё можно простить. Но зачем ты бросил следом свою кирку из холодного железа? Чтобы я наверняка не всплыла? Кто тебя надоумил, Мэдок? Ты же всегда был болван-болваном.

Дилан чувствовал прикосновения – будто муха ползёт по телу, только согнать её нельзя. Он понимал, что Дева-Бузина просто тянет время и будет слушать его до тех пор, пока действует защита Элмерика. Может, стоило сказать ей всё то, что девушки хотят слышать от возлюбленных: признания, мольбы о прощении, уверения в вечной любви... Но Дилан не мог. Врать настолько беззастенчиво ему претило. Очень кстати он припомнил слова маленького феэри и решил повторить их:

– Я могу лишь предположить... Страх уродует людей, Лилс. Побуждает их делать страшные вещи. Заставляет возненавидеть тех, кого они раньше любили.

Ведьма замерла. Казалось, даже ветер затих в ветвях; даже ручей замолк. Но через мгновение все звуки вернулись.

– Так ты теперь ненавидишь Лилс? – чёрные глаза Девы-Бузины вдруг наполнились слезами; даже сам голос, казалось, изменился, став более нежным и звенящим.

– Нет, – Дилан ответил честно. – Я всей душой хотел бы исправить содеянное, если это возможно.

Из глаз девушки всё-таки покатались слёзы: красные, как кровь. Спустя мгновение Дилан понял, что это сок чёрной бузины.

– Всё прошло, ничего уже не вернёшь, – она спрятала лицо у него на плече. – Может, ты и оборвал одну бренную жизнь, но не из-за тебя нас постигли другие несчастья. Стало быть, не одному тебе держать ответ. Пусть все виновные заплатят.

Голос её звучал всё тише, узкие плечи содрогались от беззвучных рыданий. Рукав рубахи Дилана весь пропитался влагой.

– Месть никого не красит, – Дилан взял её за подбородок, заставляя поднять голову. – Может, ты не раз встречала дурных людей, дорогая Лилс, но зачем тебе становиться такой, как они? Эти мальчишки из деревни – они же дети! Глупые и невоспитанные, но дети. И Красные Ладшки. Разве они не желали тебе добра?

Элмерик в лопухах затаил дыхание. Он никак не ждал подобного красноречия от обычного деревенского парня. Может, затея не была такой уж дурной...

Бужинная ведьма тоже, казалось, заслушалась. Она перестала плакать и лишь кивала, чуть склонив красивую голову. А когда Дилан замолчал, чтобы перевести дух, ответила.

– Может, ты прав... Но объясни тогда, милый, почему все могут жить, как хотят, а мы – нет? Где же справедливость?

– Почему одни рождаются богатыми, а другие едва сводят концы с концами? Кто-то умирает во младенчестве, а кому-то суждено жить до глубокой старости. Одни полны здоровья, а других мучают тяжелые болезни? Значит, так суждено...

Признаться, Дилан, негодуя, и сам не раз задавался подобными вопросами. Но сейчас ему пришлось повторить увещевания своей матери. Те хоть и были мудрыми – но ему никогда не помогали.

В тёмном небе полыхнула зарница.

– Но ты убийца! – голос Лилс из нежного и звенящего вновь стал грубым и хриплым. – Хочешь сказать, что был просто рукой судьбы?

– Возможно, так, – твёрдо сказал Дилан.

Он едва помнил дядюшку Мэдока, но знал: тот хоть и потерял уважение соседей, став горьким пьяницей и игроком, но никогда, ни разу за всю свою никчёмную жизнь, не поднял руку на женщину. Может, дядька и пить-то начал после истории с ведьмой? А что, по времени сходилось...

– Может, обнимешь? – вдруг смиренно попросила Дева-Бужина, прикрыв свои страшные очи. – А я решу, про-

стить тебя или нет. Ты ведь помнишь, что только поцелуи и объятия не могут лгать...

В сердце Элмерика вдруг закралось нехорошее предчувствие. Настроение ведьмы менялось слишком быстро, словно легкомысленный летний ветер: это было необычно. Может, она не обиженное умертвие, а нечто совсем иное? Тогда латунный медальон не подействует, а Дилану точно не поздоровится.

Бард осторожно потянулся к поясу, чтобы достать нож и подготовить парочку заклятий, но обнаружил лишь пустые ножны. Проклятый фейри Красные Ладошки! Заморочил голову там, у дуба, да так, что Элмерик забыл подобрать нож с земли. Впрочем, у него ещё оставалась волшебная флейта и музыка, который подвластны все, кто способен её услышать.

Дилан решительно привлёк к себе Деву-Бужину и легонько коснулся губами её губ. Элмерик успел немного удивиться, прежде, чем понял, что именно тот задумал. А хитрец держал латунную подвеску наготове. Как только их губы разомкнулись, Дилан ловким движением надел кулон на шею Лилс.

Та взвизгнула, испугнув всех окрестных птиц, и схватилась за горло.

– Мэдок! Предатель! – сдавленно прошипела она. – А ведь Лилс почти поверила тебе! Но ничего... Ты ещё поплатишься. Дважды я была мертва и дважды вернулась к жизни. Вернусь и в третий раз...

К ужасу Элмерика сбившееся дыхание ведьмы понемногу восстанавливалось. Кулон больше не душил, лишь ярко светился, будто раскалившись в кузнечном горне. Металл крупными каплями стекал вниз, прожигая плоть. Дева-Бузина морщилась и вскрикивала от боли, но рассыпаться прахом явно не собиралась. Её внешность тоже изменилась: чёрные волосы побелели, милые девичьи черты прорезали глубокие старческие морщины, пальцы покрылись узловатой корой. Резким движением она сорвала с Дилана защитный амулет и снова замахнулась.

Элмерик рывком поднялся на ноги.

– Беги! – крикнул он Дилану, но тот не сдвинулся с места: наверное, опять оцепенел от ужаса.

Тогда Элмерик приложил к губам флейту и заиграл. Ведьма успела лишь раз взмахнуть рукой, пытаясь дотянуться и выбить инструмент из его рук, но даже не задела волшебную флейту. Отсутствие когтя на безымянном пальце злой фейри спасло Элмерика. А потом уже сработало заклятие: воздух вокруг стал густым и вязким, будто прозрачный кисель. Казалось, само время замедлилось. Звуки музыки пусть не сразу, но заставили Дилана очнуться. Он вздрогнул, заорал в голос, сорвал с головы шапку и, бросив её оземь, бегом припустил в сторону деревни.

А Элмерик играл и играл, ведь флейта могла удерживать злобную фейри лишь пока музыка звучала. Охранная метка-птица на его щеке (подарок мастера Патрика) светилась

алым, но ученик колдуна знал: от такой твари, как Дева-Бузина, это не поможет. Разве что продлит жизнь на пару мгновений.

На барда ненавидяще смотрели немигающие черные глаза, из которых всё ещё сочились алые капли. Изломанные ветви сплелись на голове уже не девы – Старухи-Бузины – в подобие венца, украшенного тёмными ягодами. В воздухе запахло грозой, набежавшие тучи закрыли луну, а над водой, громко крича, закружились чёрные птицы – предвестники смерти.

Прежде Элмерику всегда везло: он выбирался живым и невредимым из самых ужасных передраг но, видно, источник его удачи иссяк. Элмерик понимал: в этот раз ему не уйти. Стоит на миг остановиться, чтобы перевести дух, и тварь набросится на него и разорвёт в клочки. А значит, жить на белом свете ему оставалось всего ничего: пока звучит волшебная флейта. Старуха-Бузина даже не пыталась заговорить с ним и лишь посмеивалась. О, она прекрасно умела ждать...

Под ногами вдруг что-то зашелестело и из травы высунулся уже знакомый Элмерику фейри в зелёном костюмчике. Увидев брошенную Диланом шапку, старейшина Красных Ладешек хрюкнул от радости, но бард поспешно наступил на неё носком сапога, не давая подобрать обновку.

– Эй, ты обещал мне шапку! – обиженно напомнил фейри, почёсывая ухо. – Перестань жадничать, человек. Ты всё

равно скоро умрёшь. Дева-Бузина пришла за тобой. Она рядом. Близко-близко. Вот-вот схватит.

Элмерик упрямо мотнул головой, не прекращая играть на флейте.

– О, тогда давай опять поиграем! – обрадовался фейри. – Теперь я буду угадывать, что ты хочешь сказать. Впрочем, что тут угадывать: ты хочешь жить. Тебе, как вижу, удалось задержать и ослабить ведьму, но такой безделушкой её не остановить... Глупый, глупый мальчик-чародей! Чем ты только думал? Тупица. Болван. Недоумок.

Элмерик не пытался возражать. Он чувствовал, что пальцы начинают неметь от усталости.

– Пошёл вон, маленький негодяй! – прохрипела ужасная старуха, делая ещё один шаг сквозь вязкий воздух.

– Ах, все бросили бедняжку, – зло фыркнул фейри. – Только поделом: ведь это она первая бросила всех нас. Как-то получать сдачу той же монетой? Знаешь, как это бывает? Знаешь?

Элмерик наострил уши. Он понимал, что мудрый старый ребёнок не будет болтать просто так.

– Тебе известно, для чего всё было и зачем, – проскрипела Старуха-Бузина. – И ты сам согласился. Не мы нарушили уговор! Скажи спасибо, что вы остались целы. Мы даже заботились о вас, как могли.

Ещё одна капля сорвалась с оплавленного кулона и упала ей на ногу. Ведьма заскрежетала зубами.

– Разве это была ты, Бузина? – старейшина Красных Ладшек бросил вожделирующий взгляд на шапку. – Но даже если и так, нехорошо забывать свои корни: даже люди это знают. Глупое ты дерево.

Он перевёл взор на Элмерика, словно хотел убедиться, что тот точно услышал его слова.

– Мы уже не те, что прежде, – расхохоталась Бузина. – Не равняй нас ни с собой, ни с людьми, ни с другими деревьями, маленький глупый фейри. Потому что нам нет равных!

Старейшина Красных Ладшек закатил глаза. Он достал из кармана трубку и раскурил её, дожидаясь, пока утихнут отголоски смеха, а после спросил:

– Помнишь ли ты хоть что-то о тех далёких временах, когда мы вместе бегали по полю, держась за руки. Помнишь ли, как называла меня прежде?

Ответом ему был ещё один приступ безумного хриплого хохота, а Элмерик всё играл и играл на флейте, прикидывая в уме всякое.

Бузина сказала, что умирала уже дважды. Один раз её толкнул с обрыва Мэдок Задира. Но до того, как она стала приёмной дочерью Мэринэн, было что-то ещё... Откуда вообще появилась в Чернолесье милая девочка Лилс? «Наша матушка. Наша сестра. Наша плоть и кровь», кажется. так сказал этот маленький смешной фейри. Может, Лилс была одной из них? Девочкой, что должна была погибнуть, не став взрослой? Поэтому они бегали вместе в полях, держась за

руки...

Если догадка была верна, то какую бы ужасающую силу не получила Бузина, она по-прежнему, как и все Красные Ладони, должна бояться холодного железа. Жаль, что нож, всё ещё лежал у дуба! Впрочем, у Элмерика появилась надежда на спасение. Если постараться, он сможет идти и одновременно играть, а ведьма, конечно же, последует за ним. Когда они доберутся до дуба, у барда будет лишь мгновение, чтобы подобрать нож. Но этого хватит. Должно хватить.

От волнения Элмерик взял одну фальшивую ноту – и проклятая ведьма едва не вырвалась на свободу. Теперь она стояла совсем рядом, за плечом, горячо дыша ему в щеку.

– Недолго осталось, – промурлыкала Бузина. – Играй, мальчик, играй. Мы всегда любили поплясать под хорошую музыку.

Она хлопнула в ладоши и послушные её воле бузинные заросли принялись раскачиваться в такт мелодии Элмерика.

– И да, раз уж ты спросил, – ведьма обернулась к маленькому фейри. – Конечно, Лилс помнит, как тебя зовут. Но Лилс также помнит, что нельзя называть имена друзей при чужаках. Так что пускай сначала мальчик умрёт, тогда она скажет.

– Простите, что не стану дожидаться развязки, – фейри докурил, вытряхнул из трубки пепел и с невозмутимым видом спрятал её в карман. – Я ещё слишком юн для подобного рода зрелищ.

Он легонько пнул Элмерика под колено и развёл руками, будто говоря, мол, извини, но на этом всё: помог, чем мог. Элмерик убрал ногу, чтобы его маленький союзник смог забрать шапку. Фейри нахлобучил обновку, ничуть не смущаясь, что шапка великовата, цокнул языком, подмигнул и пропал.

А Элмерик осторожно сделал первый шаг по тропке, ведущей обратно к дубу. И ещё один. А потом ещё. Это было не так-то просто: идти мешали высокие травы.

– Вот мы и остались наедине, бард, – усмехнулась ведьма, дыша Элмерику в затылок. – Куда бы ты ни шёл, знай: ты не дойдёшь. Уже совсем скоро мы вырвем флейту из твоих рук и заберём твою жизнь. Но воля твоя: сражайся, пока можешь. У смелых людей, говорят, и мясо вкуснее.

Она говорила, не умолкая, запугивала Элмерика, рассказывая, что сделает с ним самим, с его друзьями, со всей деревней, а чёрные птицы, крича, летели следом. Бледная луна иногда проглядывала сквозь прорехи туч и снова пряталась, словно не хотела смотреть на творившееся внизу.

Они прошли примерно половину пути, когда Элмерик почувствовал прикосновение чего-то липкого и очень холодного к своей шее.

– Видишь, мы уже почти дотянулись, – Старуха-Бузина хихикнула. – Совсем скоро мы сможем откусить от тебя маленький кусочек.

Что означало это «мы»? Бард только сейчас понял, что

ведьма ещё ни разу не сказала о себе «я». Он чувствовал, что это очень важно, но мысль ускользала.

Элмерик разнервничался и снова взял фальшивую ноту. «Вот и всё», – подумал он, перестав играть, но в этот самый миг из кустов с отчаянным криком вывалился Дилан. Что-то блеснуло в его правой руке, когда он с размаху ударил ведьму в бок. Из зарослей крапивы по другую сторону от тропы с визгом выкатился малыш Кей, держа острую косу. За его спиной маячил бледный Рис, обречённо сжимающий ухват.

– Мэдок?! – разъярённая старуха перехватила запястье Дилана, и Элмерик наконец разглядел свой нож: так вот кто его подобрал!

Рана ведьмы дымилась, но противника она держала крепко.

– Нет, ты не Мэдок. Снова обман! Мы убьём тебя.

В свободной руке ведьмы вспыхнул огненный шарик. Под ногами Дилана загорелась трава. Он бросился в сторону, но это не помогло: земля воспламенялась там, где он ступал.

Малыш Кей бросился на помощь брату, но запнулся о корень и упал. Коса отлетела в сторону. Рис, оставшийся без прикрытия, занервничал и с криком метнул в ведьму ухватом. Как ни странно, попал. Прикосновение холодного железа оставило рану на её затылке – не такую глубокую, как нож, но волосы в этом месте сгорели, явив взорам некрасивую плешь, а дыма стало ещё больше.

Бузинная ведьма завизжала и разжала пальцы. Огонёк по-

гас. Дилан плюхнулся в траву, дуя на покрытые волдырями пятки.

Выставив перед собой руки, ведьма забормотала новое заклинание, отступая в сторону ручья.

– Прости, что задержались, – малыш Кей, совсем как взрослый, хлопнул Элмерика по плечу.

– Дилан сказал, что тут будет золото, – Рис озирался по сторонам. – Где же оно?..

Тем временем Дилан смог подняться на ноги. Кривясь от боли, он замахнулся, готовясь метнуть нож в старуху. Он действовал так уверенно, что было ясно: не промахнётся.

Тогда ведьма подставила ладони под лунный свет и будто умылась им, обратившись снова в молодую прекрасную девушку. Вернув былую красоту, она пала на колени и смиренно взмолилась:

– Пощади! Если ты убьёшь Бужину, Лилс тоже погибнет. На этот раз навсегда.

Дилан замер в нерешительности. Потом замахнулся и...

– Кхе! Постойте, постойте! – раздался знакомый скрипучий голос. На соседней коряге вновь явился старейшина Красных Ладонек в шапке дядюшки Мэдока. – Не убивайте Лилс, лучше отдайте её мне. Зачем она вам? Низачем. А мне пригодится.

– Ещё чего! – хмыкнул Дилан. – А ежели она опять вырвется и начнёт убивать людей?

– Нет уж, пусть получит своё, – поддержал брата малыш

Кей. – За Мэтти.

Рис, увидев фейри, нервно икнул, но ничего не сказал. Возможно потому, что потерял дар речи.

Старейшина Красных Ладшек пошевелил кустистыми бровями, огладил рукой козлиную бородку и уточнил:

– Может, вы что-то желаете взамен? Скажем, я забираю Лилс, а вы получаете золото. Горшок золота. Или два? Много-много золота.

Глаза Риса жадно загорелись, но Дилан успел заткнуть ему рот рукой.

– Ничего нам не надо, – хмуро сказал он. – Я просто хочу, чтобы деревня была в безопасности и люди больше не умирали.

– Я сниму проклятие, – предложил фейри. – Красные метки Красных Ладшек. Вы не умрёте. Проживёте долгую-долгую жизнь. Не обещаю, что счастливую, но долгую точно. Только отдайте мне Лилс.

Дилан бросил вопросительный взгляд на Элмерика, и тот решил прийти на помощь, хотя, по правде говоря, сам не знал, как тут лучше.

– Зачем ты хочешь забрать ведьму? – спросил он у фейри. – Расскажи всё без утайки, а мы решим, как быть дальше.

– Бард, знаю, ты устал, но сыграй нам снова, – ответил старейшина Красных Ладшек. – Теперь, когда её сила ослабла, а я больше не связан заклинанием, я могу поведать вам правду. Но нужно, чтобы дорогая Лилс не убежала, пока мы бу-

дем болтать.

Элмерик кивнул и вновь поднёс флейту к губам. Он надеялся, что фейри не будет говорить очень долго, ведь ведьма смотрела прямо на него, и если бы ненавидящим взглядом можно было убивать, Элмерик, наверное, уже рассыпался бы горсткой пепла. Он не стал повторяться и заиграл другую мелодию, на время лишаящую возможности двигаться, но вместо этого Дева-Бузина заснула прямо на траве, мокрой от росы, – верной предвестницы рассвета. Фейри, умиляясь, глянул на неё, а потом торопливо заговорил.

– Когда-то Лилс была человеком. Но умерла и стала одной из нас. Я лично похитил её у смерти, успел в последний миг. Мы не всегда успеваем. Ой не всегда. Но я ловкий. Быстрый. Проворный. Так Лилс стала нашей сестрой. Одной из нас. Может, лучшей из нас. Мы придумывали игры. Воровали мёд и молоко. Водили глупых людишек за нос. Гонялись за бабочками. Но моя Лилс тосковала. Она хотела вернуться назад, к людям. Не верила, что мертва. Отказывалась признавать это. Знаешь, как это бывает, знаешь?

Он смахнул слезу, надвинул шапку почти на нос и продолжил.

– Я пообещал Лилс, что найду способ вновь сделать её человеком. Она же взамен дала слово никогда не расставаться с нами, стать нам не сестрой, но матушкой. Тогда-то я и пошёл на поклон к фейри Чёрной Бузины: только она во всём лесу постигла тайны жизни и смерти. Старуха-Бузина согла-

силась помочь и велела привести к ней Лилс следующей же ночью. А за помощь попросила сущий пустяк и не сущий пустяк. Первое дело – убить мужа одной женщины из деревни – было простым. Я наслал на него болотную лихорадку! Ха! А вот второе дело – жуткое, тяжёлое. Не по нраву это было Красным Ладощкам. Но мне пришлось убить маленькую девочку, оставив на ней метку: её тело было нужно, чтобы оживить Лилс. Госпожа Бузина и наша дорогая подруга растались довольные друг другом. «Она даст мне новую плоть и кровь», – сказала тогда Лилс, но отказалась поведать, что потребовала взамен благодетельница.

– А потом оказалось, что их стало две? – догадался Элмерик. – В одном теле?

Фейри кивнул:

– Всё так. Фейри Бузины надоело быть деревом, она тоже хотела почувствовать вкус человеческой жизни. Мне запрещено было даже упоминать об этом, хоть я и видел, когда в этом теле просыпается моя Лилс, а когда приходит жестокая Дева-Бузина. Лилс поделила с ней жизнь. Я устроил их в дом к женщине, чей муж подхватил лихорадку от моих рук. Женщина полюбила Лилс и вырастила её, как родную дочь. Шли годы – и Бузина, что сперва часто спала, стала хотеть всё больше и больше времени для себя. Мы почти не видели нашу Лилс...

– А дядюшка Мэдок, что с ним? – хрипло спросил Дилан.

– О, это грустная история, – фейри вздохнул. – Они с Лилс

действительно полюбили друг друга. Но эти чувства были обречены. Мы не хотели его. Не любили. Не звали. Он пытался украсть нашу матушку, принадлежащую только нам. Тогда я снова вступил в союз с Бузиной. Старый, старый глупец! «Нужно лишь сбить масло вместе с сон-травой, а потом смазать нам виски», – так посоветовала Старуха, – «Только смотрите, чтобы это была именно Лилс». Так мы и сделали. Моя Лилс заснула... о печаль! И спала до сегодняшнего дня, пока не услышала голос, как ей показалось, Мэдока... А теперь – из-за тебя, бард – она снова спит!

Маленький фейри заломил руки и бросил на Элмерика такой гневный взгляд, что тому стало весьма неловко. Но снимать сонное заклятие он пока не торопился.

– Ты хочешь забрать Лилс и убить Бузину? – уточнил он.

– Да и нет, – фейри с нежностью поглядел на спящую ведьму. – Зачем её убивать? Она же дерево. Пусть растёт. И спит. Не просыпается. Станет хорошим деревом. Обычным. С корой и листьями. Знаешь, как это бывает? Знаешь?

– А она н-не проснётся опять? – подал голос малыш Кей.

– За это я головой ручаюсь, – старейшина Красных Ладошек важно кивнул. – Меня не так-то просто облапошить, знаешь ли! Никому это не удавалось больше одного раза. Просто разрешите мне забрать Лилс – и вы никогда больше не увидите нас. И вдобавок останетесь живы. По-моему, отличная сделка. Что скажете?

Дилан снова посмотрел на Элмерика, словно силясь про-

читать ответ в глазах человека более сведущего в колдовских делах, чем он сам. Тот кивнул.

– Ладно, думаю, так будет справедливо.

– Тогда забирай её, – выдохнул Дилан и, опомнившись, вернул Элмерику нож, предварительно вытерев лезвие о штанину. – И не забудь снять метки, ты обещал.

Так и не обретший дар речи Рис сделал неопределённый жест и шлёпнул губами, как рыба. Он уже успел подобрать ухват и теперь крепко прижимал его к груди, наверняка уверившись, что тот волшебный.

Никто не ожидал, что возражать вдруг начнёт малыш Кей.

– Нет, так не пойдёт! Я слышал, у фейри принято, чтобы услуга за услугу, и всё равноценно. Так что мы тебе – твою Лилс, а ты верни нам Мэтти.

Фейри поднялся на цыпочки и потрепал угрюмого мальчишку по волосам.

– Мэтти не сможет вернуться, прости. Он стал одним из нас. А ты видел, что получается, если умершего вернуть к жизни, – он кивнул на спящую Лилс-Бужину. – Разве ты хочешь для Мэтти подобной участи?

– Нет, – малыш Кей, казалось, впервые не рыдал от переполняющих его чувств и лишь сжимал кулаки. – Он не должен был умереть! Может, ещё можно что-то придумать?

– Мы не хотели его убивать, он ведь ещё ребёнок. Но Дева-Бужина желала отомстить за отрезанный палец, – старейшина Красных Ладонек пожал плечами. – Мы его убили, но

в тот же миг спасли. Успели. Вытащили за миг до смерти. Сделали одним из нас. Больше ничего мы не могли сделать.

– А можно нам увидаться? – попросил малыш Кей. – Я хочу видеть фейри. Тебя, Мэтти, других... Сделай, чтобы я это мог, а потом забирай свою Лилс!

– Как скажешь, – старичок с детским лицом поманил Кея к себе, а потом без предупреждения плюнул ему в глаза: сперва в один, а потом во второй.

– Э-эй?! – возмутился тот, а потом его детское лицо просияло. – Ух ты, сколько вас тут, оказывается!!! А где же Мэтти?

– Он пока не появляется на людях, – пояснил старейшина. – Не привык.

Дилану стало не по себе. Все эти фейри, ведьмы, внезапно не-совсем-живой-но-всё-же-живой друг, злая бузина, чары и холодное железо, грустная история дядюшки Мэдока – это было... немного слишком. И почти сводило с ума.

– Я хочу домой, – сказал он.

– Это легко устроить, – кивнул фейри. – Не как часть сделки, а как жест доброй воли.

И тут к Рису вернулся дар речи.

– Хочу горшок с золотом! – заявил он. – Много-много золота!

Красные Ладонки, собравшиеся на поляне гурьбой, уже не таясь, рассмеялись, а старейшина, хитро щурясь, явил из воздуха вожаемый горшок.

– Ладно, вот тебе подарочек, – он обернулся к Элмерику. – Может, ты тоже чего-то хочешь, дружок?

Бард мотнул рыжей головой.

– Нет, сделка свершилась, и менять условия ни к чему. Разве что пусть твой прыткий приятель, что спрятал мою флейту под лопухом, вернёт её туда, откуда взял.

– Глазастый, – с уважением произнёс старейшина. – Одобряю. Ты далеко пойдёшь, мальчик-колдун. Особенно если постарайся не становиться взрослым как можно дольше. Не расти. Будь собой. Знаешь, как это бывает, знаешь? Ну, прощай!

Он засунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Все Красные Ладоски вмиг исчезли, тело спящей Лилс пропало вместе с ними.

Деревенских ребят тоже не было видно: похоже, старейшина решил отправить домой не одного Дилана, а троих разом.

Элмерик убрал нож в ножны, умылся бодрящей росой нового дня и зашагал вдоль ручья – напрямик к мельнице. Его наверняка уже обыскались. Впрочем, была надежда, что мастер Патрик не станет ругать ученика за долгую отлучку, когда услышит эту удивительную историю. И яблочный джем от госпожи Мэринэн наверняка немного задобрит сурового старика...

Но вот чего Элмерик никак не мог предугадать, так это утреннего переполоха в трактире, о котором потом ещё две

луны кряду судачили во всех окрестных селениях. Виновником шумихи стал взбешённый Рис, когда обнаружил, что с первым лучом солнца золотые монеты в его горшке превратились в сухие дубовые листья.

Глава вторая

Леди-шиповник, её верный рыцарь и тени слуги

Прошли те времена, когда в Чернолесье сторонились учеников колдуна. Теперь только появишься, как начинается: помоги там, помоги сям... Но Элмерик не жаловался. Ему было даже приятно: если просят – доверяют.

Вот и в этот раз плотник Итан отвёл Элмерика в сторонку от телеги, пока его подруга Келликейт пересчитывала мешки с зерном, и зашептал:

– Слухай, Рыжий, дело есть. Ты ж, гряд, чародей и бард?

– Я ещё учусь, – начал было Элмерик, но увидел, как в глазах Итана гаснет надежда, уступая место страху, и быстро поправился. – В общем, да. А что надо?

– Ты можешь потолковать с фейри? – плотник мял в руках шапку.

– Смотря о чём. Не томи уже, рассказывай всё, как есть, – Элмерик махнул Келликейт, мол, тоже подходи, послушай. Это не понравилось Итану.

– А эта пигалица нам зачем?

– Эй, она вообще-то тоже ученица мастера Патрика! – вспылil Элмерик. – Может, побольше меня понимает в чародействе. И уж точно побольше твоего!

Плотник от такого напора смутился и забормотал, выкручивая свою шапку чуть ли не в жгут.

– Да эта... того... я никого обидеть не хотел. Просто... ну это... неловко как-то при девице. Не всё ж рассказать можно.

Бард вздохнул. По его мнению, Келликейт можно было доверять всё, что угодно. Она редко смущалась, не злословила, не осуждала и вообще была из тех девчонок, которые воспринимаются как «свой парень», но человеку со стороны это так просто в голову не вложишь. Зато у него нашлось объяснение получше.

– Дядь, она не обычная девица, а сама наполовину фейри. Уши острые под платком прячет, чтобы деревенские не пугались лишний раз.

Тут плотник впервые глянул на Келликейт – нет, не с уважением – со страхом. Аж шею в плечи втянул и невнятно пробурчал в пшеничные усы:

– Ну ежели так, то, оно, конечно... м-да... – но уже через миг он взял себя в руки и, прочистив горло, предложил. – А пойдёмте в таверну. Угощу вас элем, всё расскажу. Элмерик, конечно, согласился. Кто же от такого отказывается?

Сегодняшний день выдался погожим, даже жарким, а в таверне, за толстыми стенами да под соломенной крышей, было почти прохладно. Самое время отдохнуть и пообедать.

Итан сел, хлопнул широкой ладонью по столешнице (к нему сразу подбежал мальчишка) и обстоятельно сделал за-

каз. В первую очередь, конечно, эля. А ещё – хлеба с травами, тушеной капусты и даже немного вяленого мяса. В общем, плотник в Чернолесье явно не бедствовал.

– Видал, какие столы и лавки крепкие? – он снова хлопнул ладонью. – Моя работа!

И пока Элмерик восхищенно цокал языком, Итан пригубил эль, утёр пену с усов и вздохнул.

– Только энто всё в прошлом. Сейчас-то мои дела пошли наперекосяк. А всё из-за фейри...

– Дай, угадаю: ты их разгневал, – Келликейт подпёрла подбородок обеими руками.

Ну да, она никогда за словом в карман не лезла. Элмерику порой приходилось за неё краснеть. Ладно бы ещё спросила... но нет, слова прозвучали утвердительно, даже с нажимом. Стоит ли удивляться, что плотник начал оправдываться.

– Я не делал ничего дурного! А она взъелась на меня ни за что, ни про что! Такое тоже случалось. Не все младшие ши Чёрного леса относились к людям дружелюбно, некоторые вредили просто в силу пакостного характера. Может, статья, Итан нарвался на болотных бесов? Этим только дай волю – изведут человека. Или яблоневоы девы – всем хороши красавицы, только порой пьют человеческую кровь. Поэтому бард счёл за должное уточнить:

– Да кто «она»-то?

Ответ поразил его до глубины души.

– Лыса, фея Рябинового ручья, – плотник шмыгнул носом, как мальчишка. – Я теперь, понимаешь, ни вброд, ни по мосту, ни верхом, ни на телеге – никак. Работёнку подкинули аж в самом Задолье, а как я туда попаду, если всякий раз в воду падаю и на тот берег ни-ни, – сразу захлёбываться начинаю. Эх, плакали мои денежки...

Сам Элмерик Лысу никогда не встречал, но многое о ней слышал от мастера Патрика. Старый мельник-колдун уж на что не любил младших ши, а эту ласково называл Рябинкой и говорил, что увидеть её не так-то просто: мол, прячется от людей. Только если прислушаешься, как ручей звенит, огибая камни, можно услышать тихое пение Лысы. Элмерик пытался, но без толку: то мельничное колесо грохочет, то птицы кричат... На зиму Лыса, как и прочие водные духи, ложилась спать, а по весне, бывало, шалила: разливала воды по полям, подтапливала низины. Ну так оно и понятно: Рябиновый ручей только в народе ручьём прозывается, а на королевской карте означен как небольшая, но всё-таки река.

– ... и опять ухнул в воду! Такие дела.

Элмерик только сейчас понял, что пропустил часть рассказа мимо ушей. Оставалось надеяться, что Келликейт слушала.

– Очень странно, – девушка поджала губы.

Элмерик хорошо знал этот недоверчивый взгляд: теперь плотник так просто не отделается, Келликейт из него всё вытянет. А та уже засыпала Итана вопросами.

– А дары приносить пробовал? А лодочку по воде пустить? Ей это нравится. Кстати, а откуда тебе известно, что фейри ручья зовут именно Лыса? Вы всё-таки встречались?

– Н-нет, что ты! – плотник отчаянно затряс лохматой головой. – Я к бабке Шеллиди на поклон ходил, починил ей лавки, подновил плетень, а она взамен задала три вопроса фейри. И та изволила ответить. Мол, да, знает меня, но не таит никакой личной обиды. И даже то, что я русло ручья от своего огорода отвёл, ущерб ей не нанесло.

– погоди, что ты сделал? – ахнула Келликейт.

– Р-русло отвёл.

– С этого и надо было начинать!

– Но бабка Шеллиди сказала...

– Да что понимает твоя бабка! – тёмные глаза Келликейт метали молнии, и Элмериду пришлось вмешаться. Положив ей руку на плечо, он шепнул:

– Знаю я эту бабку. И мастер Патрик её знает. Она правда ведьма, так что запросто могла задать вопросы Лысе и получить ответы. И уж точно не стала бы врать.

– А может, вы сами у неё спросите? – Итан смотрел на них, как пёс, выпрашивающий лакомство.

– У бабки? – не понял Элмерик.

– Да нет же, у фейри. Шеллиди-то, может, глухая и не разобрала чегось?

– А зачем тебе русло править понадобилось, умник? – фыркнула Келликейт.

– Да я совсем чуть-чуть подкопал, чтобы в половодье огород не затапливало. Между прочим, Томми, что на другом краю деревни живёт, тоже так делал – и ничего. Ходит себе через мост, как миленький! Ему, значит, можно, а мне нельзя? – плотник аж покраснел от возмущения.

Ничего не поделаешь – придётся выкликать фейри из воды. Элмерик вытащил из чехла серебряную флейту, подарок прабабки Марджери, и пробежался пальцами по отверстиям, пробуя звук.

Келликейт сразу поняла, что он задумал, и решительно встала.

– Идём, сыграем ей песенку. Только поскорее, а то нам бы ещё на мельницу засветло успеть.

* * *

– Вот же твою бесовскую матушку трижды об забор! – первое, что Итан сделал на берегу, это поскользнулся и шлёпнулся в воду. Причём, не куда-нибудь, а прямо на острые камешки. – Всю задницу отбил! Вы слышали? Слышали?! Я же говорил!

В журчании воды Элмерiku и впрямь почудился тихий смех, но он не был до конца уверен, что это не плод его буйного бардовского воображения. Впрочем, Келликейт тоже нахмурилась и рявкнула на плотника.

– Вылезай, умник. И держись от воды подальше, пока мы

всё не выясним.

– Будет ещё девчонка мной командовать! Пусть даже и ушастая, – проворчал Итан.

Игнорируя протянутую руку Элмерика, он сам выбрался из воды и принялся выжимать намокшую рубаху.

Элмерик хотел снова вступить за подругу, но вовремя одумался: та и сама умела дать отпор, а вот на попытки вступить могла здорово обидеться. Да и было бы от кого защищать! Подумаешь, мужик деревенский, необразованный... какой с него спрос?

Поэтому он сделал то, что с самого начала собирался: поднёс к губам флейту. Все младшие ши были равнодушны к музыке и неизменно прислушивались, когда он от души играл в саду или на лесной поляне, устроившись под деревом. Прежде Элмерик и не подозревал, что у него столько благодарных слушателей, – пока не научился их видеть.

Вот и Лысу тоже привлекли мелодии, идущие из глубины сердца. Элмерик, прикрыв один глаз (это был особенный приём, которому он научился совсем недавно), почти сразу разглядел бледную девушку под мостом. Её фигурка казалась прозрачной, будто сотканной из воды, длинные пепельные волосы украшали кувшинки. Не переставая играть, он сделал Келликейт знак бровями, мол, фейри пришла, но девушка его гримас не поняла.

– Эй! Лыса здесь! – пришлось отнять от губ флейту. Конечно, стеснительная ши тут же спряталась, а Итан завертел

башкой.

– Где?!

– Уже нигде, – с досадой огрызнулся бард. – Я могу либо играть, либо разговаривать. А вы уж сделайте что-нибудь сами.

– Ой, прости, заслушалась, – спохватилась Келликейт. – Играй, в этот раз я не оплошаю.

И всё повторилось: Лыса выглянула на чарующие звуки музыки, вплетающейся в звон ручья, и даже начала тихонечко подпевать. Элмерик был так счастлив наконец-то услышать её голос, что даже пожалел, когда Келликейт заговорила.

– Лыса, я знаю, что ты здесь. Не прячься, выйди. Я хочу лишь поговорить, как сестра с сестрой. Во мне течёт кровь младших ши и я не желаю тебе зла.

– Я знаю, кто ты, – фейри подплыла ближе, и Элмерик поразился, увидев, что у нее вместо ног – рыбий хвост. – Я знаю всё, что приносит вода. Всё, что было сказано на берегу. Всё, что было спето. Всё, что было выплакано и сделало мою воду солонее. О чём ты хочешь потолковать, леди Алого Шиповника?

– Уж точно не о себе...

Элмерик заметил, как Келликейт вздрогнула, когда фейри напомнила ей старое прозвище, а вместе с ним и прошлое, которое хотелось забыть. А плотник ещё и подлил масла в огонь.

– Леди?.. простите, мэм. Я не понятия не имел, что вы из благородных. Впредь буду почтительнее.

– Заткнись! – перебила его девушка с яростью, совершенно не подобающей благородным девицам.

Льиса рассмеялась; её смех был похож на журчание воды по камням.

– Твоя человеческая половина слишком сильна, сестрица. Боюсь, нам будет нелегко понять друг друга.

– И всё же я попытаюсь, потому что уже пообещала, что помогу этому остолопу, – процедила Келликейт, злобно зыркнув на съёжившегося Итана. – Скажи, подруга, за что ты преследуешь этого человека?

– Я могу ответить лишь на три твоих вопроса, – Льиса, погрузнев, поправила в волосах кувшинку. – Таков мой гейс. Эх, я-то думала, ты и впрямь поболтать хочешь.

– Я бы с удовольствием! – улыбнулась Келликейт, шагая вперёд. Студёные воды ручья коснулись её ног, но она не взвизгнула и даже не поморщилась. – Прости за настойчивость, мне привычно думать о деле в первую очередь, и только потом о радости.

– Беседа со мной доставляет тебе радость? – фейри хлопнула в ладоши и во все стороны полетели подсвеченные солнцем брызги. – Тогда ты не должна ничего спрашивать. Ведь после того, как я отвечу, я больше не смогу разговаривать с тобой. Как бы я ни пыталась, ты будешь слышать журчание ручья и только.

Келликейт вздохнула:

– Тогда я бы предпочла не задавать вопросов.

– Так не задавай.

– Но я же обещала!

– Тогда задай.

Элмериду стало жаль Келликейт. Девушка была очень скрытной, о её прошлом он кое-что знал, поэтому счёл за должное вмешаться.

– Давай лучше я спрошу.

– И навсегда лишишь себя возможности слышать Рябинку, о которой мастер Патрик нам все уши прожужжал? – криво усмехнулась Келликейт.

– Уж лучше я, чем ты. Думаю, тебе очень не хватает дружбы с кем-то из народа твоей матери.

– Моя мать не была духом вод.

– Но она была из младших ши. В общем, ты понимаешь, что я имел в виду. Не зря же Лыса сказала, что твоя человеческая половина слишком сильна.

– Это потому, что я выросла среди людей, и в этом нет ничего плохого, – Келликейт по привычке защищалась даже, когда на неё не нападали.

– Никто и не говорит, что это плохо! – Элмерик закатил глаза. – Но не пора ли отдать дань и второй половине?

– Пф! Я ничего не должна матери, которая бросила меня в корзинке, как паршивого котёнка!

– Не матери. Себе, – Элмерик очень не любил ссориться,

но в некоторых случаях становился настолько упрямым, что сам удивлялся.

– Мне очень жаль, что вы ссоритесь из-за меня, – скорбно прожурчала Лыса, опустив голубые, как весеннее небо, глаза.

– Мы не ссоримся, а спорим. Это не одно и то же, – смутился Элмерик. – Слушайте, у меня есть мысль! А пусть плотник сам спросит.

– Я не стану с ним разговаривать, – фейри покачала головой.

– Из-за обиды?

Элмерик сообразил, что задал вопрос лишь в тот момент, когда получил на него ответ.

– Нет, всего лишь ещё один гейс. Лично меня этот смертный ничем не обидел. Впрочем, я уже говорила об этом старой женщине, что приходила от его имени. И прости, бард, но теперь тебе придётся спросить меня ещё дважды, а потом мы распрощаемся навсегда. Надеюсь, ты хотя бы иногда будешь приходить к реке, чтобы поиграть на флейте?

Элмерик сперва ахнул, а потом махнул рукой. А чего он хотел? Рябинка хоть и не кровожадное зубастое чудище, но всё равно из младших ши, а те, как известно, хитры и умеют добиваться, чего хотят. Тем более, он сам благородно предложил, а Лыса решила воспользоваться его предложением, пока никто не передумал... Зато она теперь сможет дружить с Келликейт. А на долю Элмерика ещё достанется чудес –

разве мало их на свете?

Теперь главное было не прогадать с оставшимися вопросами. Элмерик почесал в затылке – так ему лучше думалось.

– Ты говоришь, что не обижена на Итана, но всё равно не даёшь ему пересечь твои воды. Быть может, он обидел кого-то ещё?

– Так всё и было, – кивнула Лыса. – Только не вздумайте меня винить! Нет ничего зазорного в том, чтобы защищать друзей и даже мстить за них.

– И в мыслях не было! – Элмерик прижал руку к сердцу. – В этом люди и младшие ши похожи. Мы тоже вступаемся за близких.

Лыса одарила его благодарной улыбкой. Она и впрямь была милой и такой светлой, что Элмерику было ужасно жаль прощаться, едва познакомившись.

– А можно задать третий вопрос позже? – сорвалось с губ. В следующий момент он понял, что сглупил.

– Нет. Потому что ты уже задал его, бард... – она говорила что-то ещё, но Элмерик уже не понимал ни слова: всё слилось, забурлило и стало водой.

– Келликейт, передай ей, что я был рад знакомству, – глаза сами собой вдруг стали влажными, и он закусил губу. – И что обязательно буду приходить к ручью и играть для неё.

– Она тебя прекрасно слышит, – девушка пожала плечами. – И говорит, что ты дурак. Потратил третий вопрос по-чём зря.

Льиса же, плеснув рыбьим хвостом, скрылась под водой. Элмерик только моргнуть успел, а её уже и след простыл.

– Что теперь будем делать? – по голосу было слышно, что Келликейт злится.

– Ну, кое-что мы узнали. Наш плотник всё-таки обидел кого-то из фейри.

– Но я ничего не делал! – Итан вскочил на ноги.

Ну, начинается. Элмерик раздражённо отмахнулся:

– Это мы уже слышали. Пойдёмте лучше оглядимся на месте. Может, станет понятнее. Веди нас на свой огород.

* * *

Как и подозревал Элмерик, «новое русло» – это было очень громко сказано. Рябиновый ручей продолжал спокойно течь, Итан лишь прокопал отводную канавку, даже не очень широкую. Взрослый человек такую запросто мог перепрыгнуть. Да и глубина была небольшая, где-то до середины бедра. Так что Льисе было совершенно не на что гневаться. И всё-таки кого-то из фейри это обидело...

Элмерик решительно ничего не понимал. Может статься, они вообще не там ищут, а преступление плотника против волшебного народца никак не связано с ручьём? Он даже попытался снова порасспрашивать Итана, но тот только моргал и талдычил своё «я ничего не делал».

А вот Келликейт как-то неожиданно притихла, присев на

камушек. Элмерик даже не сразу заметил, что она не отвечает, унесясь мыслями куда-то далеко-далеко. А потом хотел было возмутиться, но вовремя одумался и прикусил язык. Потому что девушка смотрела на два куста шиповника, росших на разных берегах канавы. Один из них был с белыми цветами, а другой – с алыми. Ох, бедная Келликейт: прошлое словно нарочно преследовало её.

Элмерик, вздохнув, положил руку на плечо подруги, и та вздрогнула. А, встретившись с его обеспокоенным взглядом, буркнула:

– Я в порядке.

Элмерик покачал головой.

– Не уверен. Но можешь не бояться, я никогда не скажу тебе «не грусти», потому что помню, что шиповник значил для тебя. И для твоей сестры.

– Обычно я стараюсь не думать о ней, – нахмурилась Келликейт. – Она умерла. Кустов шиповника, которые мы посадили вместе, больше нет. И вроде кажется, что всё отболело, отгорело и прошло. Но порой даже старые шрамы ноют на погоду.

Признаться, Элмерик восхищался её стойкостью. С момента смерти сестры Келликейт прошло, может, чуть больше года. Вряд ли это можно было считать «старыми шрамами».

– Смотри, птички! – девушка указала на пару лазоревок. Видимо, решила сменить тему, потому что ничего необычного в птицах не было. Такие и в деревьях живут, и над мель-

ницей стайками летают. Элмерик по осени их даже подкармливал.

– Ага, милые, – он улыбнулся.

– Я не об этом, – поморщилась Келликейт. – Уже некоторое время за ними наблюдаю. Смотри: они всё время прилетают на берег в одно и то же место, приносят в клюве камушек, кидают его в воду, а потом летят за следующим.

– Я тоже заметил эту странность, – поддакнул Итан. – Уж и гонял их, а ни в какую. Всё равно летают и носят. Раньше-то я камни со дна выгребал, а теперь Лыса не даёт... эх, и ладно бы ещё бобры, те вечно плотины строят. А тут – смешно сказать – птицы.

– И ты молчал? – напустился на него Элмерик.

В ответ конечно, получил «а чаво такова?» и скрипнул зубами. Итан то ли притворялся недалёким, чтобы чародеи не заругали, то ли и впрямь был не семи пядей во лбу.

Но птички явно что-то знали. И дело было всё-таки в канаве. На всякий случай бард решил осмотреться ещё раз, только теперь уже поглядеть на птичью запруду Истинным зрением. Он прикрыл один глаз, сосредоточился... ничего. Обычные лазоревки, обычные камни. Даже обидно стало.

Он вздохнул, покачал головой, скользнул взглядом по алым цветкам росшего на берегу шиповника – и ахнул. Рядом с кустом стоял тот, кого простым человеческим взглядом не увидишь: рыцарь в алых латах и при мече. На вид – ровесник самого Элмерика, тоже, между прочим, рыжий и

кудрявый. Только ещё и остроухий. Глаза незнакомого фейри были оранжевыми, как недозрелые ягоды шиповника, на плече росла веточка с зубчатыми листьями, а открытые до локтя руки без наручей покрывали острые тонкие шипы. Выглядело очень опасно!

Пока Элмерик размышлял, как бы так отвести Келликейт в сторону и рассказать про шипастого, чтобы тот ничего не заподозрил, фейри поймал взгляд Элмерика и подмигнул. А потом вложил небольшой камешек в клюв подлетевшей лазоревки. Так вот кто подослал птичек-строителей!

– Кто ты такой и что здесь делаешь? – выпалил Элмерик, от волнения позабыв о вежливости. Опомнившись, он запоздало поклонился, и только тогда фейри соизволил ответить.

– Я – Руад, ещё меня называют Рыцарем Алого Шиповника. И мне странен твой вопрос. Что я здесь делаю? Живу. Как и все.

Начав говорить, он проявился, Келликейт от неожиданности ахнула, а Итан и вовсе попятился, запричитав:

– Ой, божечки! Я его видел! Видел!!! Он хотел убить меня!!!

Элмерик выхватил флейту, которая могла играть не только прекрасную музыку, но и быть оружием в умелых руках барда.

– Это правда? – нахмурился он.

Руад в ответ выпустил из плеча ещё несколько колючих побегов и положил руку на рукоять клинка, но первым напа-

дать не спешил.

– И да, и нет. Я хотел припугнуть негодяя. И сделал это не наяву, а во сне. Но этот смертный такой дурак, что даже не понял, о чём я толкую.

Итан собрался было броситься наутёк, но Келликейт, схватив плотника за рукав, прошипела:

– Даже не думай удрать, прокляну! – и тот остался. Только заныл в голос:

– Богами молю, отпустите! Ничего не знаю, ничего не ведаю! Уеду из Чернолесья на веки вечные, забирайте дом, огород! Всё забирайте!

– Сдался мне твой огород, – поморщился Руад. – Натворил дел, а теперь – «уеду»? Вот же подлая человечья душонка!

– Полегче! – нахмурился Элмерик. – Все люди разные, как и младшие ши. Есть подлые, а есть благородные. Давайте сперва во всём разберёмся. От Итана, конечно, толку нет...

– Я вспомнил! – вдруг перебил плотник, дрожа, как осиновый лист. – Я правда видел этого парня во сне. Он угрожал, мол, убью. И ещё говорил: копай, мол, овин. Я думал – может, на клад указывает? Перекопал весь овин, потом сенник – ничего. Даже в свинарнике рыл!

Руад горько рассмеялся.

– Мало того, что глупец, так ещё и глухой. Я говорил: выкопай Гвин.

– А кто такая Гвин? – любопытная Келликейт подалась

вперёд.

– Леди Белого Шиповника, – фейри указал на другой берег. – Дама моего сердца, с которой это негодяй посмел разлучить нас.

– Проточная вода! – Элмерика вдруг осенило. – Большинство младших ши не может пересечь Рябиновый ручей ни по мосту, ни вброд. И Лыса пыталась намекнуть! Как же я сразу не догадался!

Белый куст шиповника зашелестел листьями на своём острове – и это в безветренную погоду.

– Так она оказалась заперта? Бедняжка, – всплеснула руками Келликейт.

– Я ничего не знал, – повинился плотник, шмыгнув носом. – Эх, надо было сразу на мельницу идти, а не с бабкой Шеллиди договариваться. Да чёт боязно было... говорят, у мельника рога на макухе растут, а он их шапочкой прикрывает, потому что бес.

– Сам ты бес! – обиделся Элмерик. – Мастер Патрик такой же человек, как я или ты, только в сотню раз умнее. Ладно, что сделано, то сделано. Значит, надо просто пересадить куст белого шиповника с одного берега на другой, и дело с концом. Влюблённые воссоединятся, Лыса перестанет злиться. Итан, неси лопату!

– Теперь всё не так просто, – покачал головой Рыцарь Шиповника, заправляя длинную рыжую прядь за ухо. – Гвин слишком долго пробыла в заточении на маленьком клочке

земли, без надежды, без любви. Боюсь, она... больна.

Час от часу не легче!

– Что значит «больна»? Фейри разве болеют?

Элмерик подозревал, что ничего хорошего их не ждёт. Так и вышло. Рыцарь, отведя глаза, пробормотал:

– Её шипы... теперь они могут принести боль и смерть добрым жителям Чернолесья.

– Но ты всё равно строил для неё мостик из камней?

– Не по чести было бы бросить леди в беде и заточении! – вскинулся Руад. – Я думал так: главное – избавить мою Гвин от одиночества. А там – вместе справимся с напастью. Но, как честный ши, и как рыцарь, я не мог не предупредить вас, что моя прекрасная дама сменила милое обличье...

– Перерождается, – шепнула Келликейт. Элмерик кивнул.

Он тоже знал эту легенду. Младшие ши – очень свободолюбивые создания. И если кого-то из них запереть, то пройдёт месяц, может, два, в самом лучшем случае – полгода, и узник перестанет быть миролюбивым, даже если прежде был незабудковой феечкой. Он начисто забудет прошлое и станет одним из слуг ши, которые известны как самые кровожадные и безжалостные существа на свете.

– Если изменения уже начались, вряд ли что-то можно сделать, – Элмерик говорил тихо, но Руад всё равно услышал и, растопырив шипы, зашипел, как кот.

– Я не позволю вам срубить Гвин! Если она умрёт, то и мне жить незачем! – он выдвинул меч из ножен на пару дюйм-

МОВ.

– А если станет слуга?

– Тогда я последую за ней, – не дрогнул рыцарь.

– Отличный план, ничего не скажешь, – Элмерик не на шутку разозлился. – А нам что прикажешь делать в таком случае? Как защищать деревню?

– Глупо было говорить вам о болезни Гвин, – Руад свернул глазами. – Я допустил ошибку, доверившись смертным.

– Эй-эй, я вообще-то не смертная, а наполовину фейри, – Келликейт резко поднялась, оправляя юбки. – И обещаю тебе, брат: мы сделаем всё, чтобы спасти твою Гвин. Однажды моя сестра, которую тоже называли Леди Белого Шиповника, «заболела», как ты выражаешься. Её недуг проявился завистью и ревностью, она наделала много глупостей. А я не смогла её спасти. Может, если мы поможем Гвин, я смогу простить себя...

– Я чувствую твою боль, – фейри шагнул к Келликейт и взял её ладони в свои, шипы втянулись, не ранив девушку. – Помоги мне, а я помогу тебе. Но если ничего не выйдет, если мы с Гвин переродимся, – обещай, что убьёшь нас обоих. Ты сильна духом и сможешь это сделать. У тебя есть нож из холодного железа?

Келликейт кивнула.

– Да. Я обещаю.

– Благодарю тебя, – Руад улыбнулся, но взгляд его был печален. – Теперь осталось дожидаться ночи. Днём Гвин давно

не появляется, ей стал противен белый свет. И скажите этому глупому человеку: пускай идёт домой и после наступления темноты даже нос на улицу не высовывает, если не хочет, чтобы его разорвали в клочки.

Итана не пришлось упрашивать — он рванул в дом, как заяц, преследуемый волком, только пятки засверкали.

Руад подобрал упавший с ноги плотника деревянный башмак, приладил парус из листка и пустил по воде. Сказал, мол, на удачу.

Потом до самого наступления темноты Элмерик, сняв сапоги и засучив рукава, строил насыпь. Руад и хотел бы помочь, но не мог даже войти в проточную воду, поэтому продолжал совать лазоревкам камешки. Не то, чтобы от этого был толк, но фейри хотя бы чувствовал себя при деле.

После заката ощутимо похолодало; Элмерик тут же пожалел, что ещё утром отшнуровал рукава у своей старой куртки, да ещё и плащ не взял: думал, они засветло вернутся. Келликейт повезло чуть больше — она редко расставалась с капюшоном с пелериной, так что теперь надвинула его на нос. Жаль, они не могли развести костёр: он бы их согрел, но пламя наверняка спугнуло бы Гвин.

Больше всего на свете Элмерик не любил ждать. А уж у ручья — в комарином месте — ожидание и вовсе превращалось в пытку. На шее вздулись волдыри, но он старался не чесаться, не сопеть и вообще не шевелиться. Терпение принесло плоды: как только в деревне пробили в колотушки полночь,

на небо набежали свинцовые тучи, закрывшие луну, а от куста белого шиповника отделилась полупрозрачная тень. Элмерик смог её увидеть лишь потому, что смотрел Истинным зрением: Гвин не хотела быть замеченной.

Когда-то Леди Белого Шиповника, наверное, была красавицей, но теперь её облик изменился от горя и одиночества. И чем больше уплотнялся силуэт несчастной фейри, тем яснее проступали морщины и тёмные, словно у черепа, впадины глаз. Зрачки превратились в белые бельма, пальцы вытянулись, словно у болотных бесов, а тело покрылось шипами – не как у Руада, гораздо длиннее.

– Бедная моя Гвин, – рыцарь шагнул вперёд, протягивая руку. – Ты больше никогда не будешь одна. Не бойся, плотина крепка. Держись за меня – и ты сможешь перейти на этот берег. Мы снова будем вместе, как прежде.

– Ничего уже не будет, как прежде, дорогой, – покачив головой, прошелестела Гвин. – Поздно. Я растеряла былую беззаботность и красоту.

– Для меня ты всё равно осталась прекраснейшей, – улыбнулся рыцарь. – Потому что я люблю тебя. Разве не это главное?

И Леди Белого Шиповника ступила на плотину, сделала шаг, другой... Элмерик, затаив дыхание, наблюдал, как преобразуются её черты. Вот сгладились морщины, на скулы вернулся румянец, на светлых волос будто стряхнули пепел, у виска расцвёл белый цветок, глаза стали просто голубыми

и ясными. Пухлые губы изогнулись в улыбке – невозможно было не улыбнуться в ответ (и не имеет значения, что улыбалась Леди не ему). Гвин засмеялась – так заразительно, что захотелось рассмеяться в ответ. Всё-таки велика сила любви, если может вернуть даже из слуа... Элмерик подумал, что хотел бы написать об этом песню.

Гвин, подобрав летящие белые юбки, сделала ещё шажок. Тонкие пальцы осторожно коснулись руки Руада. И вдруг налетел ветер – настолько сильный, что с головы Элмерика сорвало шапку. Он наклонился, а когда выпрямился – обомлел. Гвин крепко держала возлюбленного в своих шипастых объятиях, и её ужасный облик слуа ши вернулся.

– Поздно, – её милая улыбка стала хищной. – Я долго страдала, Руад. Теперь настала твоя очередь. Не я отправлюсь с тобой, а ты – со мной. Мы будем вместе навсегда, среди бури и грозовых туч, – но сначала отомстим за нанесённую обиду всему людскому роду.

– Это был не весь людской род, а всего один человек! – встряла Келликейт. Элмерик ахнул: что она творит? Неужели хочет отдать Итана мстительной фейри?

– С него и начнём, – расхохоталась Гвин. – Он не переживёт сегодняшнюю ночь, уж я позабочусь. Или, может, лучше начать с тебя, полукровка? Или с рыжего барда?

В вышине сверкнула молния. Задрав голову, Элмерик увидел, как сквозь прорехи туч скользят тени других слуа ши. Одни были верхом, другие сами скакали на четырёх ла-

пах, многие были рогаты. Стоило порадоваться, что Колесо Года сейчас находится не в точке поворота, а значит, слуа не смогут спуститься. Если, конечно, кто-нибудь их не призовёт...

– Только попробуй! – Элмерик поднёс к губам флейту.

По правде говоря, ему было боязно. Если слуа ши всё-таки сумеют прийти на зов Гвин, против такой орды даже мастеру Патрику не выстоять!

В нарастающем ветре Элмерик уже слышал далёкие голоса, топот копыт, лязг брони и храп лошадей. С каждой новой вспышкой молнии тени становились всё ближе.

– Они идут, – Гвин наклонилась к обмякшему в ее объятиях Руаду и поцеловала в губы. Тот тут же воспрянул – но Элмерик не спешил радоваться. И, к сожалению, не ошибся: их приятель тоже начал преображаться.

Оставалось только одно – играть. Элмерик слагал мелодию, что могла бы заглушить зов слуа ши и смирить жуткий ветер, но тот не сдавался: хлестал по щекам, бросал в лицо ветки, свистел не в лад, мешая чарам. Элмерик чувствовал, что не справляется, но всё равно не выпускал флейту из дрожащих рук.

Он сбился с ритма лишь единожды, когда Келликейт вдруг рванулась к Гвин, схватила её за шитый серебром рукав и закричала, срывая голос:

– Не пущу!

– По какому праву ты мне указываешь? – лицо Леди Бело-

го Шиповника искажилось недоумением и замерцало: прежняя милая внешность то проступала сквозь черты слуа, то вновь исчезала.

– Не позволяйте им, боритесь! Вы оба! – Келликейт, знай, твердила своё.

– Какой смысл в борьбе, если в конце всё равно смерть? – голос Руада прозвучал безжизненно, но Элмерик уловил намек. И Келликейт тоже поняла – потянулась за ножом из холодного железа. Ничего не поделаешь, она ведь обещала...

Тут уж Элмерик, как ни старался, не смог сдержать слёз. Неужели эта история закончится вот так? И всё из-за глупости одного человека, который не ведал, что творил...

Ему очень хотелось броситься вперёд, помочь, но такова уж участь барда: чаще всего ты лишь играешь, создавая поддерживающие чары, а геройствует кто-то другой. Конечно, он всей душой сочувствовал Келликейт, понимая: пусть эта Леди Белого Шиповника не была её сестрой, но их образы слились воедино. Поэтому Келликейт тоже плакала – второй раз на памяти Элмерика (а, может, и в жизни).

И в этот самый миг его флейта запела другую мелодию: Элмерик, поняв, что его усилия бесполезны, больше не пытался сдержать ветер, предвещающий нашествие слуа ши. Теперь он хотел подарить утешение Келликейт, поделиться с ней своей силой.

– Нет, я не могу, – отбросив нож, девушка обняла Гвин и Руада, не обращая внимания на острые шипы. Фейри попы-

тались вырваться, но Келликейт, тихонько охнув, вцепилась в их руки-ветви ещё крепче.

– Сказала же: не пушу!

Кровь выступила на её коже, намочила рукава, брызнула в воду, пролилась на землю. Вроде и немного её было, а ручей весь окрасился алым – Элмерик успел это заметить в свете очередной вспышки.

Ветер взвыл раненым зверем и вдруг, захлебнувшись, утих, а набежавшая туча обрушилась на долину оглушительным ливнем. Элмерик поспешил сунуть флейту в чехол и прижался к стволу росшего неподалёку ясеня. Теперь его сердце пело и без всякой музыки – благой дождь укрыл Чернолесье будто плащом, очистил небо и землю, смыл с лиц Руада и Гвин скверну племени слуа ши. Белокурая фейри, положив голову на плечо своему возлюбленному, тихо сказала что-то на языке, которого Элмерик не знал, но понял сердцем: да, она на тоже любила своего Рыцаря Алого Шиповника. И всегда будет любить.

Элмерик, не долго думая, оттащил дрожащую Келликейт под тот же ясень – ему не хотелось, чтобы подруга простудилась под дождём. К тому же влюблённые, которые вновь обрели друг друга, наверняка желали побыть наедине. Ливень оказал им и эту услугу, спрятав Гвин и Руада любопытных глаз за пеленой воды и тумана.

– П-почему они осв-вободились? – у Келликейт зуб на зуб не попадал, так что Элмерик притянул её к себе, чтобы со-

греть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.